

Бригадир державы

Сергей Шхиян

Кукловод

2007

Шхиян С.

Кукловод / С. Шхиян — 2007 — (Бригадир державы)

Он хотел всего лишь съездить на пикник. Но врата времени открылись и забросили его в далекое прошлое. И теперь он не простой российский парень. Он – БРИГАДИР ДЕРЖАВЫ. В его руках – штурвал истории. В его памяти – будущее России...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	30
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Шхиян

Кукловод

Глава 1

Ночью выпал снег и закрыл белым праздничным покрывалом все осенние безобразия природы и следы неистовства людей. Под утро ударил мороз и дороги, искореженные войной, превратились в блестящие серебряные ленты, сияющие под призрачным лунным светом первым санным накатом. Лес, вчера еще черный, голый, пасмурный, тяжело склонился под тяжелым белым убранством.

Разлапистые розвальни легко скользили по санному пути, а вот плохо подкованной крестьянской лошаденке приходилось туго: у нее на ледовом насте разъезжались ноги, и она даже несколько раз упала.

– Эх, барин, – жаловался мужик, которого я нанял отвезти меня неведомо куда, – разве ж у нас на Руси жизнь?! Нет, – продолжал он разговаривать то ли со мной, то ли сам с собой, то ли с вечностью, – у нас не жизнь, а одна сплошная мука.

С этим спорить было трудно, я и не стал, тем более что мне пока было не до общих рассуждений о смысле жизни и несовершенном устройстве общества. Хватало своих частных проблем и неприятностей.

– И почему так устроен мир, что, честные люди живут плохо, а бездельники и воры хорошо? – продолжил интересоваться ямщик, так и не дождавшись от меня ответа на первый вопрос.

Эта проблема, думаю, всегда интересовала не только моего возчика, но и многих из тех, кто живет плохо, и считает себя честным, обойденным судьбой человеком.

– Возьми, к примеру, меня, – продолжил он, поворачиваясь ко мне на облучке, – лучше меня во всем селе хозяина не найти, руки, поверишь, золотые, да и умом Господь не обидел, а живу, тьфу живу, – он плюнул с такой страстью, что чуть не попал в меня. Так живу, что шаром кати, едва свожу концы с концами!

Вот с таким заключением согласиться было трудно. Не с тем, что возчик еле сводит концы с концами, судя по его одежде, дырявому армяку и заношенным лаптям, связанным каким-то веревочками, чтобы не развалились прямо на ногах, это было очевидно и без рассказа, а с его хозяйственными талантами. Лошадь у мужика была неухоженная, в коросте и засохшем навозе, к тому же, плохо кована, сбруя сделана из мочала, и уже два раза за нашу короткую дорогу рвались, розвальни тоже держались на ладан, да и сам он был грязен, немыт и нестрижен.

– Ты лучше на дорогу смотри, а не на меня, – попросил я, – а то еще перевернешь сани.

Мужик удивленно посмотрел на меня, оглядел свои розвальни и насмешливо спросил:

– Как же их перевернешь? Ты, барин, того, в крестьянстве, видать, ничего не понимаешь! – сказал он с высокомерием классного специалиста, столкнувшегося с тупым профаном.

В крестьянском хозяйстве я и, правда, разбираюсь не очень хорошо, зато достаточно посмотрелся на подобных ему самонадеянных людей. Сказал, чтобы прекратить разговор:

– Это тебе виднее, как сани переворачивать.

Возчик задумался, видимо начал прикидывать, как ловчее опрокинуть сани и на какое-то время перестал жаловаться на жизнь. Я откинулся на спинку скамьи, дышал морозным воздухом и любовался тихим подлунным лесом.

– Не, так просто их не опрокинешь, – сообщил он спустя какое-то время, – шибко широки в полозе. Если только в овраг...

Я не ответил и закрыл глаза, чтобы он решил, что я уснул. Мужик перестал обращать на меня внимание, и взялся рассказывать своей несчастной коняге, какой у нее выдающийся хозяин. Лошадь привычно пряла ушами, прислушиваясь к знакомому хозяйскому голосу и чтобы ничего не упустить из его поучительного рассказа, с Легкой рыси перешла на сонный шаг. Мне монотонное бормотание возницы почти не мешало, я откинулся на соломенную подстилку и «общался с вечностью». Впервые за последнее время я никуда не спешил. Не спешил потому что, меня никто, нигде не ждал.

Я лежал в санях, вспоминая и систематизируя происшествие последних нескольких дней. Всего неделю я провел в 1812 году, а впечатлений вполне могло хватить на целую жизнь. Событий было много и частных, и исторических, мне даже удалось посылить порадеть за любезное отечество.

– А скажи-ка, барин, – оставив в покое лошаадь, опять повернулся ко мне возница, – зачем человек живет на земле?

– Что? – удивленно переспросил я. – Ты это серьезно спрашиваешь или просто так, для разговора?

– Я вот как думаю, – не слушая вопроса продолжил он, – никак нельзя на свете без смысла жить! Мы ведь не просто так хлеб едим и землю топчем, а тому должна быть особая причина. Ты, барин, сам посуди, родила, скажем, баба дитя, его поп окрестил, это ты думаешь, просто так?

Честно говоря, я по этому поводу ровным счетом ничего не думал, мне последнее время как-то было не до того.

Да и мужик с его скрипучими розвальнями и рваной веревочной сбруей мне совсем не нравился. Потому я ответил довольно грубо:

– Ты лучше за дорогой следи, тоже мне философ нашелся.

Возница усмехнулся и ответил:

– Философ не философ, а жизненными вопросами интересуюсь!

– Ну и интересуйся, мне-то что до твоих интересов. Взял подряд отвезти, вот и вези, а не болтай попусту, – сердито сказал я и прикусил язык.

Услышать от крепостного крестьянина о философии, было равносильно, даже не знаю чему...

– Ты откуда такие слова знаешь? – наконец справившись с удивлением, спросил я.

– Какие еще такие слова? – переспросил он. – Я, барин, поганных слов не говорю, я об жизни люблю размышлять!

– Это видно по твоим саням и лошади, – не удержался я от ехидного намека. – Ты откуда о философии знаешь?

– Об чем знаю? – не понял он.

– Ты сказал, что, ты не философ, – начал я повторять его слова, но в этот момент лошадка очередной раз поскользнулась и упала набок, причем так неудачно, что порвалась не только сбруя, но и сломалась оглобля.

– Ох ты горе-то какое! – закричал возница и, соскочив с облучка, бросился ее поднимать.

Делал он это так неумело, как будто и, правда, был настоящим философом, всю жизнь просидевшим за письменным столом. Пришлось мне вылезти из саней и ему помочь. Общими усилиями мы с трудом подняли несчастное животное.

– Ах ты, раззява, раззява, на четырех ногах ходишь и падаешь! – укорил он конягу, после чего перешел к саням и внимательно рассмотрел поломку. Сломанная оглобля ему очень не понравилась. Он осуждающе покачал головой и пожаловался.

– Вот не повезло, так не повезло. Где ж теперь посреди ночи другую-то взять?

– Сделай новую, – начиная заводиться, сказал я. – Ты же в вашем селе самый лучший хозяин, и у тебя золотые руки!

– Нет, я к плотницкому делу никак не способный, вот если что другое...

Наткнувшись на любимую тему разговора, он тут же забыл об оглобле, привалился к саням и начал объяснять:

– Вот ты, допустим, приди ко мне и спроси: Гордей Никитич, расскажи, как правильно печь поставить? Или того почище, испытай про наше царство, как, мол, людям в ём по правде и справедливости жить? Тогда я тебе все обскажу в самом лучшем виде...

– Хватит, попусту языком чесать! – закричал я, забывая не только о толерантности, но и об элементарных правах человека. – Бери, скотина, топор и иди в лес, а то я с тебя мерзавца шкуру спущу! Ты меня обещал отвезти в Калугу?! Деньги вперед взял? Вот и вези, как хочешь! Не можешь на лошади, так я на тебе верхом доеду!

Мужик испуганно съезжился, ожидая, что я начну его лупить. Это отрезвило и мне стало стыдно за свою вспыльчивость. Ее виной была не сломанная оглобля и, даже, не мудрый Гордей Никитич, а мои в конец расшатанные нервы. Последнее время мне столько досталось от превратностей судьбы и обстоятельств, что первый незначительный повод привел к неконтролируемому взрыву эмоций.

Начались мои беды с того момента, когда я решил прервать свое затянувшееся пребывание в прошлом и вернуться в свое время. Не то, что меня так уж потянуло принять участие в каких-нибудь федеральных выборах или захотелось посмотреть новые телесериалы, просто обстоятельства сложились так, что в семнадцатом веке, в котором я тогда жил, негуманные политические противники собрались заживо содрать с меня кожу.

Теперь, в новые времена, о такой жестокости не помыслят даже самые непримиримые идеологические враги. В наш культурный век политические противоречия решаются вполне цивилизовано, уголовным преследованием, ангажированным судом, на худой конец, заказным убийством, быстрым и безболезненным. В средние века о таком гуманизме нельзя было даже и мечтать.

Впрочем, историческое прошлое нашей родины не всегда бывало жестоко и бесчеловечно. Мне об этом удалось узнать на собственном опыте. Впервые я попал в нескончаемое путешествие по историческим просторам России, полтора года назад. Попал случайно, но так вышло, что этот случай оказался вполне ожидаемым и желанным. Мне понравились и бесконечные приключения и страна, в которой я оказался не последним изгоем. Конечно, у каждого периода истории есть свои достоинства и недостатки, и наша замечательная эпоха, как я смог убедиться, не самая худшая из всех возможных.

Другое дело, что в любом сообществе разным людям нравятся разные вещи. Оказалось, что мне не очень нужны чудеса техники и ленивая одурь комфортной жизни. И мне в нашей реальности совершенно не нравится быть ни бессловесным гражданином, ни физическим лицом, ни телезрителем, ни радиослушателем, ни абонентом, ни автолюбителем, ни статистической единицей. Мало того, сознаюсь в страшной крамоле, мне противно быть не только электоратом, но даже пассажиропотоком!

Короче говоря, мне больше по душе оказалась не свободная и демократическая Российская федерация, ни чудесная современная столица нашей страны Москва, с самым высоким в мире процентом чиновников и миллиардеров на душу населения, а «немытая Россия, страна рабов, страна господ», как охарактеризовал ее в 1841 году, один сердитый и чрезвычайно одаренный юноша.

Сначала я оказался в 1799 году, эпоху довольно мутную и с точки зрения выдающихся исторических событий не примечательную. Правил тогда страной император Павел Петрович Романов, правил как ему нравилось, и как считал нужным. Владыкой он был, как мне казалось, в чем-то мудрым, в чем-то дурак дураком, как и почти все наши Российские правители. Но что, безусловно, человеком своеобразным, и эта его царственная самобытность очень не нравилась

высшим сановникам. Кончилось его правление, как говорили в то время: «апоплексическим ударом табакеркой по голове».

Однако мне не удалось своими глазами увидеть исторической смены власти. Личные обстоятельства сложились так, что мне пришлось «ради спасения живота своего», бежать из восемнадцатого века, не то что куда глаза глядят, а куда получится. Сначала получилось в середину девятнадцатого, оттуда в начало двадцатого...

Заинтересовавшихся читателей, могу отослать к первым частям моего исключительно правдивого и достоверного повествования.

...После всевозможных добровольных и вынужденных перемещений во времени, я попал в страшное Смутное время, когда государственная власть оказалась разрушенной, а Москву наводнили вражеские полчища. Правда, в конце концов, бежать мне пришлось не от польских оккупантов, а от своих корыстолюбивых соотечественников.

Бежать-то я, бежал, но попал не в наше время, а в середину XXI века. Оттуда, волею случая, переместился в 1812 год. Зимней, ноябрьской ночью которого, и разворачиваются описываемые события.

– Барин, у меня топора нет, – плачущим голосом прервал мои воспоминания возница, – дай свою саблю.

– Саблю? – не понял я. – Зачем тебе сабля?

– Как зачем? Сам же велел оглоблю сделать, – удивляясь «барской» тупости, объяснил мужик.

– Моей саблей делать оглоблю? Да ты знаешь, что это за сабля? Ей полторы тысячи лет!

Возница обдумал мои слова и популярно объяснил:

– Ничего, я быстрее сделаю, мне столько ждать никак нельзя. У меня жена, дети малые, как им без кормильца? Ты не бойся, ничего твоей сабле не сделается, а поломается так тоже не беда, я ее сам и починю. Знаешь, какой я рукастый?!

– Знаю, – желчно сказал я, – по тебе видно.

Сабля у меня действительно была уникальная, невообразимо старинная, с клинком из коленчатого индийского булата. Я даже не уверен, сохранилось ли еще где-нибудь на земле такое редкое оружие. К тому же она была раритетом и реликвией таинственного религиозного ордена поклоняющегося Сатане, с которым у меня были «антагонистические противоречия».

– Так, барин, дай саблю-то, нешто такую пустяковину жалко? – вернулся к прерванному разговору крестьянин. – Я вон ту березку на оглоблю срублю, глядишь, как-нибудь и доедем.

– Ладно, – ответил я, – ты здесь руби, что хочешь и чем хочешь, а я дальше пешком пойду, так мне будет быстрее.

Не обращая больше на мужика внимания, я вытащил из телеги французский мушкетон, два пистолета, ранец со своей амуницией, взгромоздил все это не себя и собрался в дорогу.

Пока я собирался, возница наблюдал за мной с неописуемым удивлением.

– Это как же, барин, прикажешь тебя понимать? – спросил он, когда удостоверился, что я и вправду собрался уходить.

– Так и понимай, деньги я у тебя назад отнимать не стану, а тебе советую не о смысле жизни думать или всем царстве, а о своем хозяйстве, иначе вымрешь как мамонт.

– Как кто вымру? – заинтересовавшись, уточнил он, потом внезапно догадался. – Нешто, ты меня убить хочешь? Барин, помилуй, не губи христианскую душу! Что я тебе плохого сделал!

– Не хочу я тебя убивать, хотя и следовало, чтобы у тебя лошадь на ровном месте не падала, и оглобли не ломались, – сказал я.

– Я-то причем? Она упала с нее и спрашивай, – обиделся он.

Не отвечая, я повернулся и пошел по дороге, но возница бросился следом и вцепился в плечо. Я сбросил его руку, тогда он совершенно неожиданно для меня, повалился, что называется в ноги, обхватил мои колени и закричал со сценическим надрывом:

– Барин, голубчик, не погуби! Христом Богом молю, не бросай меня одного на верную погибель!

– Какая еще погибель?! До твоей деревни всего пять верст! – удивился я такому неожиданному взрыву эмоций. – Ты через час будешь дома!

– А лошадка, а сани?! А ежели, на меня волки нападут или разбойники?! За что погубить хочешь безвинную душу!

Честно говоря, такой постановки вопроса я не ожидал и растерялся. С мужиком мы познакомились только нынешним вечером. Он подрядился отвезти меня в Калугу, и никаких обязательств у меня перед ним не было.

– Да чего тебе бояться? – попробовал я ввести его истерику в рациональное русло. – Луна светит, кругом не души...

– Барин, не погуби! – не слушая, кричал возница. – Не могу я ночью один в лесу! Пуще смерти темноты боюсь!

Хорошо, – скрепя сердце, согласился я. – Успокойся, я подожду до рассвета.

Я опять снял с плеча мушкетон, с плеч ранец и положил в сани. Ночь была чудесной, спешить мне было некуда, да и раздражение на косорукого мужика постепенно проходило. Возница немного успокоился, даже отпустил мои ноги, но продолжал сидеть на снегу и тихо плакать, размазывая рукавом армяка слезы по щекам. Все это было достаточно странно, но я такое поведение отнес к крестьянской инфантильности. Какое-то время мы молчали, потом он виновато сказал:

– Я барин с малолетства темноты боюсь, еще с тех пор, как мальчонкой нечистого встретил. Веришь, он прямо из земли поднялся и сквозь меня прошел! Я после того два лета заикался, спасибо, бабка заговором вылечила.

– Бывает, – сказал я, – только бояться никого не нужно, я тоже недавно нечистого встречал и как видишь, жив здоров.

Это было истинной правдой. Совсем недавно, мне довелось наткнуться на укрытый в лесу охотничий дом. В нем и обитало такое бестелесное существо. Кто это был или, скорее, что это было, до конца выяснить мне не удалось.

Вкратце история этой встречи такова. При перемещении в 1812 год, я оказался в непосредственной близости от отступающей из Москвы французской армии. Чудом избежав гибели и плена, я познакомился с интересной «во всех отношениях» женщиной, этнической французской, выросшей в России. Она оказалась женой моего шапочного знакомого, сумасшедшего гения. Гений погиб, как говорится, в таких случаях, при странных обстоятельствах, мне пришлось взять на себя заботу о его вдове.

Спустя непродолжительное время наши отношения стали предельно близкими. Французка оказалась не только страстной любовницей, но и храброй женщиной, к тому же, большой русской патриоткой. Мы по ее инициативе упоили водкой и разоружили французских улан и потом в их форме, спокойно разъезжали в расположении войск так называемой Великой армии Наполеона.

Когда настала необходимость уйти со сцены и спрятаться от французов, мы укрылись в лесу и там местные крестьяне показали лесной охотничий дом с дурной репутацией. Я посчитал, что «нечистое» место, наводящее ужас на местных жителей, может быть как-то связано людьми из будущего, и уговорил Матильду, так звали мою боевую подругу, спрятаться от французов в этом уединенном месте.

Вот там-то мы и столкнулись с бестелесным призраком. Кончилось все для нас относительно удачно, во всяком случае мы остались живы, дом же вместе со службами сгорел дотла,

а «приведение» заколола Матильда моей старинной саблей. Была ли в этом странное явление мистическая составляющая, или что-то другое, необъяснимое, я не знаю.

Теперь, спустя время после тех происшествий, я с еще меньшей, чем тогда уверенностью могу сказать, что что-нибудь понимаю в привидениях и призраках. С той же Матильдой все оказалось совсем не просто. Вполне возможно, что она меня использовала против каких-то своих противников, что называется «в темную». Во всяком случае, когда «справедливость восторжествовала» и «зло было наказано», оказалось что моя возлюбленная не скромная дочь французской гувернантки и жена небогатого помещика, а владелица роскошного дворца укрытого от посторонних глаз в дебрях Подмосковных лесов.

Когда мы туда попали, она мне пообещала объяснить все чудеса следующим же утром. Однако после ночи страстной любви, я проснулся не в волшебных чертогах в объятиях возлюбленной, а на голой лавке в придорожном трактире. Туда меня привезли ночью какие-то неизвестные люди в бессознательном состоянии. Причем, все мои вещи и деньги оказались в целости и были переданы на хранение трактирщику.

Пока я вспоминал эту странную историю, возчик немного успокоился, встал с колен и опять занялся сломанной оглоблей. Я от нечего делать, наблюдал за его действиями. Мужик тщательно прикладывал друг к другу обе части местами слома, глубокомысленно их осматривал, потом снова разъединял. Однако несмотря на его усилия, оглобля почему-то не срасталась. Он укоризненно качал головой и несколько раз повторил попытки. Потом бросил обломки на дорогу и объяснил:

– Нет, никак не получается, а хорошая была оглобелка, считай, десять лет прослужила! Кабы глупая животиная не упала, ей бы век сносу не было.

Я рассеяно кивнул и опять вернулся в недавнее прошлое. Уснув с возлюбленной на кровати и неожиданно-негаданно проснувшись в неизвестном трактире, я какое-то время пребывал в понятной прострации. Я даже не мог придумать, что мне делать дальше. Понятно, мне следовало как-то упорядочить жизнь, «легализоваться», разыскать родственников и людей, с которыми познакомился тринадцать лет назад.

Однако кругом гремела война, Москва сгорела, на дорогах творилось столпотворение. Короче говоря, время для поисков знакомых и наведения мостов было не самое подходящее. Нужно было где-то переждать пик драматических событий. Потому я на два дня остался в трактире куда меня «подбросили». Там отдохнув и отоспавшись, я решил уехать в Калугу, переждать вблизи от столицы окончание боевых действий.

В ближней деревне я нашел пресловутого Гордея Никитича, охотника заработать лишнюю копейку. Мы с ним торговались, и чтобы не наткнуться на разбредшихся по лесам французов, выехали не днем, а поздней ночью.

Глава 2

После ненастной погоды и обильного недавнего снегопада, небо, наконец, прояснилось и расчистилось. Всю ночь на нем сияли звезды, а утром я смог увидеть солнце, по которому успел порядком соскучиться.

С рассветом мой возница приободрился и перестал смотреть на меня ищущим взглядом больной собаки. Чтобы согреться, я хорошо размялся и объявил, что мне пора отправляться в путь.

Недостатка в деньгах у меня не было. Я рассчитывал дойти до большого села и там нанять подходящий экипаж.

– Ну, оставайся с Богом, – сказал я Гордею Никитичу, вновь обвешиваясь своей амуницией.

– Барин, а может быть, ты подождешь, пока я сбегая за новой оглоблей? Я скоренько, одна нога здесь другая там, – предложил он. – Чего тебе одному по дорогам мыкаться, вдвоем все веселее!

– Нет, спасибо, я как-нибудь без тебя обойдусь, – ответил я, избегая его молящего взгляда.

По-видимому, моему возчику очень не хотелось возвращаться домой и заниматься хозяйством. Распрощавшись, я без большого сожаления повернулся к нему спиной и пошел своей дорогой. Мужик огорченно вздохнул и опять поднял с дороги сломанную оглоблю. Не успел я отойти и пятидесяти метров, как за спиной раздался его голос:

– Барин! Барин! Постой!

Слушать новую серию уговоров я не хотел и, не оглядываясь, махнул ему рукой. Однако мужик не успокоился и завопил:

– Барин, погоди, сюда люди едут, может, помогут с оглоблей-то!

Я оглянулся, действительно на дороге появился крытый экипаж в сопровождении нескольких всадников. В такое раннее время встретить попутчиков было удачей, и я остановился. Заметив на дороге людей, лошадь и сани, загораживающие проезжую часть, экипаж поехал медленнее, а от эскорта отделились два всадника и поскакали к нам. Мне пришлось вернуться к вознице. Судя по одежде, верховые были русскими, и я не стал готовить оружие, просто ждал, когда они подъедут.

Увидев моего возницу, крестьянскую лошадку и сломанную оглоблю, они все поняли и без расспросов. Мой вид их заинтересовал больше, но обратились они к Гордею Никитичу.

– Чего, мужик, сани поломались? – спросил его молодой парень, стараясь удержать на месте горячего коня.

– Да вот оглобля, будь она неладна! – пожаловался возница. – У вас не надеется запасной?

– Ты лучше убери розвальни с пути, – строго приказал второй, – не то наш барин рассердится!

– Это мы мигом, – засуетился мой философ, зачем-то влезая на облучок, – так как же с оглоблей?

Всадники ничего ему не ответили и поскакали назад. Гордей Никитич дождался пока они отъедут и только тогда спустился наземь. Я помог ему столкнуть сани с хода и с интересом ожидал, когда подъедет экипаж и вся кавалькада. Похоже, ехал кто-то богатый и знатный. Большая нескладная карета с дорогой отделкой была запряжена четверкой рослых воронежских битюгов. На первой лошади сидел фореитор.

Когда экипаж проезжал мимо нас, из окна выглянул мужчина с роскошными распушенными бакенбардами, закрывающими половину лица. Мы встретились взглядами, и я ему вежливо поклонился. Мужчина ответил снисходительным кивком, потом удивленно расширил

глаза, махнул мне рукой, потом торопливо открыл дверцу и крикнул форейтору, чтобы тот остановил лошадей. Меня удивила такая неожиданная реакция незнакомого человека.

Однако на этом странности не кончились. Карета остановилась метрах в двадцати от нас, а господин с бакенбардами торопливо выскочил из нее на дорогу и пошел ко мне широко разведя руки, явно, чтобы заключить в объятия. Здесь уже я стушевался, не зная как себя вести. Этого дородного мужчину не первой молодости с роскошной растительностью на лице я видел первый раз в жизни. Резонно посчитав, что он обозначился и принимает меня за кого-то другого, я изобразил на лице сдержанную радость и ждал, чем все это кончится.

А кончилось все так странно, что улыбка сама собой сползла у меня с лица.

– Дорогой друг, – зычно возвестил незнакомец, – какая приятная неожиданность! Никак не ожидал вас так запросто встретить на дороге! Вот это радость, так радость!

Возможно, для него это и было радостью, но никак не для меня, теперь мне предстояло его разочаровать и сознаться, что я отнюдь не его «дорогой друг». Я уже было открыл рот, что бы сказать, что он ошибся, как он назвал меня по имени отчеству.

– Алексей Григорьевич, батенька, – взволнованно проговорил незнакомец, заключая мое растерянное тело в крепкие дружеские объятия, – какими судьбами?!

– Да вот, решил поехать в санях, а у возчика сломалась оглобля, – невнятно объяснил я, не зная что обо всем этом думать.

Мало того, что я, судя по реакции, был так похож на его знакомого, что он меня с ним перепутал, так еще мы с этим неведом Алексеем Григорьевичем, оказались полными тезами.

Пока я все это прокручивал в голове, пылкий приятель Алексея Григорьевича что есть силы, прижимал меня к своей любящей груди.

Наконец взрыв его чувств пошел на убыль, и он меня отпустил, правда, продолжал придерживать за рукав и откровенно мной любовался.

– Марья Ивановна, когда узнает, что мы с вами так запросто встретились, ни за что не поверит! – сообщил он мне. – Вот ей будет радость, она последнее время только о вас и говорит!

Теперь в дело включалась еще неведомая Марья Ивановна, надеюсь не интимная подруга моего полного тезки, Алексея Григорьевича.

– Да, да, конечно, я и сам не ожидал, такая неожиданная встреча, – промямлил я, чтобы хоть как-то ответить на его восторги.

– Вы теперь куда направляетесь? – спросил проезжий, так и не отпуская моего рукава.

– Хотел съездить в Калугу, – назвал я конечный пункт своего вояжа, – да оглобля сломалась.

– В Калугу? Вот и чудесно, у меня там младший братец вице-губернатором! – сообщил мне то ли новый, то ли старый знакомец.

– Непременно передам ему от вас поклон, – пообещал я, слегка подталкивая его назад к карете.

Однако владелец бакенбард и вооруженного эскорта, так просто расставаться со старым другом не намеревался. Он плотно утвердился на толстых ногах, обутых в мягкие полусапожки и вперил в меня нежный взгляд.

– А вы знаете, драгоценный мой, Алексей Григорьевич, что я сейчас еду прямо из ополчения, домой на побывку. Марья Ивановна последнее время немного хворала, так я решил ее провести. Теперь, когда мы погоним супостата с матушки Руси в его Парижскую берлогу, не знаю когда еще удастся с ней свидеться, – сообщил он.

– Так вы сейчас состоите в ополчении? – вежливо, удивился я. – В каком, если не секрет?

Собеседник немного смутился, но ответил:

– В третьем, резервном.

В 1812 году было выставлено более трехсот тысяч ополченцев, из которых были образованы округа: 1-й – для обороны Москвы, 2-й – для обороны Петербурга и 3-й – для составления

резерва. Ратники ополчения были сведены в пешие и конные полки и дружины, делившиеся на батальоны, сотни и десятки.

На бравого воина дорожный знакомый никак не походил, потому и его резервной ориентации я не удивился.

– А вы я, вижу, – продолжил он, рассматривая французский мушкетон, висевший на моем плече, – участвовали в деле?

– Нет, скорее в локальных конфликтах, – загадочно для этого времени, ответил. – Ничего серьезного.

Как многих сугубо штатских людей, а он, судя по всему, таковым и был, благоговеющих перед армией и воинскими подвигами, его такое объяснение не удовлетворило, он даже посмотрел на меня слегка свысока.

– А мы так славно повоевали! Вы знаете, у меня над головой даже пролетали ядра! И я, поверите, не склонил пред ними головы! Значит, вы сейчас, направляетесь в Калугу, – резко сменил он тему разговора.

– Да, в Калугу, – пробормотал я, но он, не слушая, опять вернулся к военным делам.

– Сейчас отсиживаться по тылам не след, все патриоты любезного нашего отечества, взяли в руки оружие! Хотите, я вам расскажу, в какой переделке я побывал?

– Я, право, не знаю, вам нужно спешить домой к Марье Ивановне, – попробовал отказать я, – она нездорова, стоит ли задерживаться? Может быть как-нибудь в другой раз?

Действительно, слушать посередине дороги рассказы незнакомого человека о его ратных подвигах мне не слишком хотелось. Судя по выражению лица, добрым глазам и пылкой речи, муж Марьи Ивановны был пресимпатичным человеком, но мне было неловко перед его свитой, явно маявшей от словоохотливости хозяина.

– Пустое, милейший, Алексей Григорьевич! Что вам в той Калуге? Калуга никуда не денется, как стоит на своем месте со времен князя Дмитрия Донского, так и еще постоит! Когда вы узнаете, что со мной случилось на прошлой неделе, так ни в какую Калугу не захотите!

– Ну, что же, извольте, я послушаю, – смирился я с неизбежным.

Было, похоже, что мне выпал счастливый день, сначала слушать философские рассуждения мужика, теперь батальные истории барина.

– Да знаете вы ли, милейший Алексей Григорьевич, что я был шпионом?!

– Шпионом? – повторил я за ним. – Как же так?

– А вот представьте! Поехал смотреть, как уходят из Москвы французы. Оделся, знаете ли, мещанином, да и смешался с войсками. Иду себе по дороге и все высматриваю, сколько у врага пушек, сколько лошадей и всяких повозок!

Он замолчал, и радостно смотрел на меня, ожидая реакции на свое сенсационное сообщение. Пришлось ему подыграть:

– Надо же, наверное вам было страшно?

– Отнюдь! Французы ведь не знали, что я шпион! – радостно воскликнул он.

– Ну, и много вы нашпионовали? – поинтересовался я.

– Ничего не успел толком сделать, – засмеялся скромный герой, – представляете меня схватили французские солдаты и едва не расстреляли! Помог просто невероятный случай! Меня выручили другие французские солдаты.

– Да? – только и сказал я, уже переставая чему-либо удивляться. – Я могу даже сказать как...

Случай, как известно, дело непредсказуемое. Когда я попал в двенадцатый год, меня в бессознательном состоянии нашел в лесу французский патруль. Командовал им французский сержант Жан-Пьер Ренье. С отданными ему в подчинение итальянскими солдатами у сержанта, мягко говоря, не сложились отношения, они собрались Ренье убить, а покойника, за которого

посчитали меня, ограбить. Сержанту это не понравилось и при моем посильном участии мародеров мы перебили.

Однако на этом, наши злоключения не кончились. Уже в непосредственной близости от Новой Калужской дороги по которой отступала из Москвы Великая армия Наполеона, мы с сержантом Ренье, наткнулись на троих французов, тащивших вглубь леса человека в штатском. Ренье их окликнул, те же, даже не ответив, тотчас начали в нас стрелять. Сержант получил пулю в плечо, но не испугался, и кончилось эта стычка тем, что с французами мы, с Божьей помощью, справились. А вот штатский, которого я не успел даже толком рассмотреть, пока шел бой сбежал.

– Вы? – удивился, новый знакомый, – откуда вы это можете знать?

– Французских солдат было трое?

– Трое, – подтвердил он, глядя на меня, что называется во все глаза, и даже перестал улыбаться.

– Двое вас вели, а последний, подталкивал штыком? – уточнил я.

– Алексей Григорьевич, дорогой, не томите, откуда вы все это знаете?! – явно волнуясь, спросил он.

– Эти трое солдат обстреляли двоих французских пехотинцев, а вас повалили на землю...

– Не может этого быть! – тихо сказал он, всматриваясь в меня. – Я бы вас непременно узнал. Правда, смотреть по сторонам, у меня не было времени...

– У меня тоже, вы так быстро скрылись, что я вас толком не рассмотрел.

– Я, признаться, запомнил только вашу саблю, такая кривая, скорее всего турецкая. А остаться я никак не мог, что мне было делать в бою без оружия...

– Вы правильно сделали, – успокоил я, обнажая клинок. – Узнаете?

– Это просто невероятно! – обескуражено сказал он. – Конечно, узнаю, я его видел почти возле своего лица! Неужели это были вы?!

– Случайно, но я.

– Голубчик, выходит, я обязан вам жизнью, – сказал он, от умиления заплакал, и опять принялся меня обнимать.

– Ну, нет, что вы, – попытался я остановить новый взрыв эмоций, – случись это со мной, вы бы сделали то же самое.

– Да как же это! Теперь вы должны, вы просто обязаны поехать со мной! Ну, хотите, я перед вами на колени встану? Если я вас не привезу, Марья Ивановна мне никогда этого не простит! Ну, пожалуйста...

Честно говоря, мне и самому стало любопытно разобраться со всей этой чередой совпадений, однако смущали схожесть с неведомым тезкой и неминуемое разоблачение.

К тому же совсем не хотелось обманывать этого милого, наивного человека.

– Ну, что поедете? – снова спросил он, просительно заглядывая в глаза.

– Пожалуй, почему не поехать, – сказал я, незаметно, освобождаясь из его объятий, – в Калугу мне не к спеху, только у меня есть одно маленькое «но».

– Вот и чудесно! – обрадовался он. – А все ваши сомнения мы как-нибудь решим!

– Это не то, что сомнение, – начал я, еще не зная как построить конец фразы, – видите ли, я не совсем тот, за кого вы меня принимаете.

– Что значит не тот? Я ведь даже вашу саблю узнал! Да и откуда вам было знать о тех французах, если вас там не было!

– Нет, с тем случаем все так и есть, а вот то, что я именно тот Алексей Григорьевич, которого вы знаете, я не совсем уверен.

– Что? – только и смог сказать добряк. – Что значит «не тот»? Алексей Григорьевич, вы, видно, надо мной смеетесь, а я не пойму, чем вас прогневил...

Он так обиделся, что я уже пожалел, что затеял этот разговор. Нужно было просто сослаться на занятость и идти своей дорогой.

– Получается, что вы это не вы? Вы с нами не хотите больше знать? – тихо спросил он, отступая от меня.

– Нет, что вы такое говорите, мне очень приятно было с вами встретиться. Но только, я не тот Алексей Григорьевич, которого вы знаете.

– То есть как это не тот? – растеряно спросил он. – А какой?

– Не знаю, я сам по себе. То есть, меня тоже так зовут, только мы с вами, к сожалению, не знакомы. Вернее сказать, знакомы, ну, тогда в лесу, мы с вами виделись, а вот, раньше не встречались, – окончательно запутавшись, договорил я.

– Не встречались? – переспросил он с нескрываемой тревогой. – И с Марьей Ивановной вы тоже не встречались?

– Тоже, – подтвердил я.

– А с кем вы тогда встречались?

– Не знаю, с партизанами встречался с Сеславиным, с принцем Богарне, с Наполеоном.

– Понятно, вы встречались с самим Наполеоном! И фамилия ваша не Крылов?

– Крылов, – после долгой паузы, ответил я. – Выходит...

– И зовут вас не Алексеем Григорьевичем?

Теперь уже не он, а я совсем ничего не понимал. Ладно, похожая внешность, даже совпадение имени и отчества, но еще и фамилия...

– Меня зовут Алексеем Григорьевичем, – как эхо повторил я за ним, – Крыловым. Но вас я не помню и Марью Ивановну тоже, простите, не помню, и вообще... Может быть, я все забыл после ранения, – попытался я придумать хотя бы для него, правдоподобное объяснение своего беспамятства. – Меня недавно ранило, рядом взорвалась бомба. Так вы говорите, мы хорошо знакомы?

– Хорошо? Да мы, голубчик, отменно знакомы, вы даже не представляете, как мы хорошо знакомы!

– Правда?

– Чистая, святая правда! Вы, можно сказать, наш любимый друг и благодетель!

– Благодетель? – опять повторил я за ним. – Это, в каком же смысле?

– Вы Марью Ивановну с того света, можно сказать, вернули, и вам я обязан тем, что на земле живу!

Это оказалось для меня слишком круто. Конечно, приятно, быть «благодетелем», но не до такой же степени!

– И зовут вас?

– Николаем Николаевичем Урусовым, – четко выговаривая слога, как будто говорил с ребенком или глухим, сказал он, – теперь вспомнили?

Я отрицательно покачал головой.

– Простите, ничего не помню.

– Знаете что, голубчик, я вас теперь непременно к себе отвезу. Вам в таком состоянии ни в какую Калугу ехать нельзя, поживете у нас, оправитесь, тогда и езжайте куда пожелаете!

– Ну, если только представиться Марье Ивановне, – сказал я, – если вас мое присутствие не затруднит...

– Михеев, – крикнул Урусов лакею на запятках, – помоги барину сесть в карету!

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – гаркнул тот.

Михеев, мордатый парень с морозным румянцем во всю щеку, лихо соскочил с задка кареты и помог мне снять мушкетон и со спины солдатский ранец. Николай Николаевич подставил под локоть руку и почти насильно впихнул в карету.

Я, впрочем, не сопротивлялся. Делать мне в Калуге было совершенно нечего, к тому же очень заинтересовал двойник и полный тезка. Вариантов кто он такой и откуда мог взяться, было несколько, один другого фантастичнее и с этим стоило разобраться. Не каждый день можно встретить такой феномен.

Урусов между тем, сел в экипаж, лакей захлопнул за ним дверцу и тот тотчас же тронулся. Карета была довольно вместительная, с двумя мягкими диванами друг против друга. Мы с Николаем Николаевичем оказались лицом к лицу. Было ему по виду, лет пятьдесят, возраст в это время вполне почтенный, но держался он бодро, был оживлен и никак не походил на старика. Мое «плачевное» состояние и потеря памяти, его огорчали, но он старался не подавать вида, что считает меня «не в себе», однако от вопроса о Наполеоне не удержался.

– Вы действительно видели этого изверга? – спросил он, едва мы расположились в карете.

– Видел, – подтвердил я. – Правда, мельком.

– Как же вы так сподобились? – с непонятной завистью спросил он.

– Совершенно случайно, и безо всякого труда, – ответил я. – Сержант, с которым мы вас отбили у мародеров, оказался знакомым пасынка Наполеона принца Богарне. Когда мы с принцем столкнулись на дороге, он рассказал как я его лечил от пулевого ранения. Богарне этим заинтересовался, и приказал привести меня к себе в штаб. Не успели мы с ним поговорить, как приехал Наполеон. Вот собственно и вся встреча.

– И о чем они говорили? – живо спросил Урусов.

– Не знаю, нам сразу приказали выйти, так что Бонапарта я видел меньше минуты.

– Мне бы его встретить! – мечтательно сказал князь. – Уж я бы...

– Думаю, у вас бы ничего не получилось, – поняв его недосказанную фразу, ответил я, – только что смогли бы красиво погибнуть.

– А если бы вы к нему подошли и пронзили ему сердце кинжалом?! – взволнованно вскричал Николай Николаевич.

– Меня бы до этого успели порубить в капусту. Там было больше десяти боевых офицеров!

– М-да, пожалуй, – согласился он, думаю, только для того чтобы мне не нужно было упрекать себя в трусости. – И как вам показался изверг?

– Усталым и простуженным. А так человек как человек, ничего особенного. Рогов я у него не заметил.

– Это надо же, – не слушая, посетовал Урусов, – по воле одного человека, столько напрасных жертв! Сгорела Москва, тысячи и тысячи погибших!

Такая пацифистская оценка бойни, которую развязал Бонапарт, военизированного ополченца меня, удивила. Обычно чем больше вождь отправит на тот свет людей, тем выше его статус. Мы помолчали, отдавая дань памяти погибшим в этой бессмысленной и кровопролитной войне.

– Расскажите, пожалуйста, что вы знаете обо мне? – попросил я. – Когда мы с вами встречались, и что я такого сделал?

– Алексей Григорьевич, вы, правда, не шутите? У меня такое чувство, что вы надо мной трюните.

– Господь с вами, Николай Николаевич, – так же церемонно-вежливо ответил я, – это правда, я совсем вам не помню. У меня после ранения выпали из памяти целые куски прошлой жизни.

– Пожалуй, что расскажу, но если вы меня разыгрываете, то Бог вам судья. На посмешище выставите старика!

Я развел руками, ударил кулаком в грудь, всем видом показывая, что чист перед ним и он начал:

– Познакомились мы нынешним летом, в нашем имении Услады. Марья Ивановна смертельно захворала, а докторов так хороших не нашлось. Послали за доктором в Москву, да ведь пока туда, пока сюда. Вот тут-то и свела нас одна прелестная дама Анна Сергеевна Присыпка...

– Не может быть! А где эти ваши Услады? – воскликнул я, начиная понимать, что все как-то связывается, эту даму, жену престарелого генерала я хорошо знал в 1799 году.

– В Троицком уезде, Т-й губернии, – ответил он.

– И что было дальше? – уже с нетерпением, спросил я.

– Анна Сергеевна вас привезла из Троицка, и вы чудодейственно вылечили супругу.

Так мы познакомились. А позже вы приезжали к нам с визитом со своим родственником Антоном Ивановичем и его милой женой.

– Антоном Ивановичем, – повторил я за ним почти с ужасом, – тоже, как и я Крыловым?

– Да, Крыловым. Вы его тоже забыли?

Забыл ли я Антона Ивановича, первого человека, с которым встретился, впервые попав в прошлое! К тому же своего прямого предка?! Конечно, я его не забыл и собирался, как только удастся навестить. Однако в этот момент меня волновали не родственные связи, а нечто другое. Если я каким-то образом летом двенадцатого года был у Крылова, то вполне может статься, что я и сейчас нахожусь где-то поблизости и, не равен час, встречу сам себя! И даже примерно не представляю, чем такая встреча может кончиться. Не в смысле, налаживания отношений с самим собой, а того, как поведут себя время и материя. Не может же, в самом деле, человек пребывать в одном времени в двойной ипостаси!

– Я знаю Антона Ивановича, мы с ним близкие родственники, – ответил я, на вопросительный взгляд князя. – Но то, что этим летом был у него в имении, совершенно забыл. Как он, кстати, поживает?

– Здоров, да я его встретил несколько дней назад. Он в действующей армии, служит, кажется, во втором корпусе и командует егерями.

То, что предок жив и не убит под Бородино, меня обрадовало. Я его предупреждал еще тринадцать лет назад, что в двенадцатом году будет большая война, и уговаривал не лезть в пекло. Он конечно не послушался.

– Вы что-то говорили о спасении Марьи Ивановны? – напомнил я.

– Да, да конечно, вы ее спасли от неминуемой смерти, а меня от горького вдовства. У нее были страшные боли, она даже исповедовалась и причастилась, а вы ее, вдруг, вылечили!

Теперь мне стала понятна радость Урусова при нашей встрече.

– Неужели вы и этого не помните?

Я опять отрицательно покачал головой.

– Может быть, когда вы с ней встретитесь, у вас пройдетnesia. Моя Марья Ивановна такая замечательная женщина, что я и описать не могу. Красавица, умница, прекрасная мать. Мы с ней уже без малого четверть века вместе и ни разу не поссорились!

Далее Николай Николаевич говорил исключительно о своей супруге, и мне стоило немалого труда, чтобы не задремать. Давала о себе знать бессонная ночь, и расслабляло мягкое усыпляющее покачивание рессорного экипажа. Однако я сумел устоять, и чтобы не обидеть равнодушием любящего мужа, мужественно испил эту чашу до дна.

Глава 3

До имения Урусовых мы добрались меньше чем за два часа. Поместье оказалось богатым и ухоженным. Мы въехали в ворота, и я увидел прекрасный барский дом, построенный в стиле ампира. Наша кавалькада рассредоточилась по двору, а карета остановилась прямо против парадного подъезда. В доме тотчас начался переполох, и во двор высыпала толпа слуг, во главе с дородной женщиной, приятной наружности. Она бросилась к карете и с рыданиями припала к груди Николая Николаевича.

Можно было обойтись без пояснений. Герой вернулся с войны, чистая идиллия!

Когда первая радость встречи прошла, князь вспомнил и обо мне. Подтолкнул к жене со словами:

– Мария, ты только посмотри, кого я тебе привез! Марья Ивановна посмотрела на меня заплаканными глазами, похоже, узнала и слепо улыбнулась:

– Алексей Григорьевич, какой сюрприз!

Мне показалось, что обрадовалась мне она значительно меньше, чем этого ожидал муж, что Николай Николаевич тоже заметил некоторую растерянность жены и просительно сказал:

– Мой ангел, Алексея Григорьевича ранили французы, и он потерял память. Совсем ничего не помнит, даже меня не узнал. Если ты не против, пусть он немного поживет здесь, пока не поправит здоровье. Ему сейчас буквально некуда деваться.

Марья Ивановна удивленно на меня посмотрела и кивнула головой, впрочем, не совсем понятно, в каком смысле, однако добряк Урусов просиял и от такой малости.

– Знаешь, мой ангел, Алексей Григорьевич спас меня от французов. Если бы не он, меня могли ограбить и убить! – торопливо продолжил Николай Николаевич, как бы стараясь добавить мне лишних очков в глазах супруги.

– То есть, как это потерял память? – удивилась Урусова, – не заинтересовавшись нашими воинскими подвигами.

– Он ничего не помнит, из того, что было раньше..., – начал объяснять Николай Николаевич, но жена строго на него посмотрела, и он, смешавшись, не договорил.

Пришлось объясняться мне:

– Я случайно попал под обстрел французских пушек, рядом со мной взорвалась бомба, произошла контузия и я, действительно, ничего не знаю из того, что было нынешним летом. Князь говорит, что я вам оказывал какую-то помощь, я же ничего такого не помню.

– Даже меня? – искренне поразились Марья Ивановна.

– Совершенно ничего.

– Разве такое возможно? – оглядываясь на присутствующих, неизвестно у кого спросила добрая женщина. Похоже, я ей не очень нравился и она была недовольна моим появлением.

Ей никто не ответил. Я же, обругав себя за то, что зря сделал такой крюк, решил не пользоваться сомнительным гостеприимством Урусовых и отправиться своей дорогой.

– Так вы вообще ничего не помните, даже кто вы? – задала очередной вопрос Марья Ивановна.

– Нет, я не помню только то, что случилось прошедшим летом, – ответил я, прервал разговор и вытащил из кареты свою амуницию. – А теперь позвольте откланяться. Мне срочно нужно попасть в Калугу, спасибо князь, что подвезли...

– Куда же вы, голубчик? – воскликнул Николай Николаевич, умоляюще глядя на жену. – Оставайтесь, прошу вас.

Марья Ивановна строго посмотрела на мужа, и к приглашению не присоединилась. Под пристальными взглядами многочисленной дворни я надел на спину ранец, вскинул на плечо мушкетон, уже собрался распрощаться, как вдруг увидел своего возницу. Тот спокойно стоял

среди дворовых Урусовых. Это явление удивило меня даже больше чем странное поведение барыни, кстати, совсем не характерное для хлебосольных русских помещиков.

– А ты как сюда попал? – окликнул я мужика, отворачиваясь от хозяев.

Гордей Никитич оказавшись в центре внимания, смутился и, запинаясь, ответил, что не хотел оставлять меня одного. Кажется, мне сегодня везло на странных людей и непонятные поступки.

– А где твои лошадь и сани? – спросил я.

– Лошадь здесь, – радостно сообщил он, – сама за нами прибежала, куда ж ей деваться! А розвальни, Бог с ними, все одно, оглобля сломалась.

– Это ваш мужик? – спросила Марья Ивановна.

– Нет, он сам по себе, – ответил я, и добавил, почтительно кланяясь, – а теперь позвольте откланяться, честь имею.

– Но как же так, – растеряно сказал Урусов, – *Mari*, попроси Алексея Григорьевича остаться.

– Право, куда вам спешить, скоро обед, – уже вдогонку, сказала она, – соблаговолите хотя бы с нами отобедать.

– Если только отобедать! – сказал я останавливаясь.

Мне стало интересно узнать, почему хозяйка так не хочет, чтобы я остался и, неожиданно даже для себя самого, решил поймать ее на слове. К тому же, если нам сейчас суждено так холодно расстаться, то чего ради, я занимался ее лечением в их прошлом и своем будущем? Странная ситуация с временной путаницей уже начинала руководить моими поступками.

– Вот и чудесно! – искренне обрадовался князь, а Марья Ивановна лишь вежливо улыбнулась и кивнула, тотчас перестав обращать на меня внимание.

Все тотчас двинулись в сторону дома. Я отправился следом за хозяевами. Урусов по дороге громогласно живописал супруге свои ратные подвиги. Слуги почтительно, окружив господ, внимали хозяину, как положено дворне, подобострастно заглядывая в лица помещиков. Мы всей неспешной толпой вошли в просторный вестибюль, из него в парадный зал. Жили Урусовы на европейский манер, с воощенным паркетным полом, картинами на стенах и вычурной отделки «мебелями», что в начала девятнадцатого века было вполне уместно.

Я уже насмотрела на дворянские усадьбы, и воспринимал их роскошь без особого интереса. Даже, старался вести себя, примерно как новый русский, после посещения Версаля: «Скромненько, но жить можно».

В парадную залу вошли только Урусовы и несколько старших слуг и то, сразу постарались слиться с интерьером. Николай Николаевич продолжал с восторгом говорить о победах русского оружия, замечательной стойкости наших солдат, но к своей чести, о собственных подвигах не распространялся. Марья Ивановна рассеяно слушала мужа. Было заметно, что она очень рада его возвращению, но война ее совсем не интересует и, она отчего-то сильно нервничает. Я это принял на свой счет. Похоже, что между нами этим летом что-то произошло, только бы знать что!

По виду княгиня Урусова никак не походила ни на бой-бабу, ни на стерву, хотя как большинство русских женщин, не отказывалась от самого тяжелого беспросветного в женской доле, руководить поступками своего мужа.

– Ты только представь себе, мой ангел, французы палят из ружей, кругом свистят пули, – воодушевленно повествовал Николай Николаевич, как вдруг супруга, глянула на него не то что строго, но как-то требовательно и когда он послушно замолчал, спросила меня:

– Неужели вы, Алексей Григорьевич, так ничего и не помните?

– Совершенно ничего, – покаянно ответил я, – у меня такое чувств, что вас с князем я вижу сегодня впервые в жизни. Такое иногда бывает, когда после контузии.

– После чего? – не поняла она.

– После удара взрывной волной. Рядом со мной взорвалась вражеская бомба, и меня взрывом ударило о землю.

Урсова пристально на меня посмотрела. Я глядел на нее невинным агнцем. Она кажется, мне поверила, но на всякий случай, спросила:

– И вы даже не помните, как меня лечили?

Теперь было впору занервничать мне. Марья Ивановна был женщиной бесспорно интересной, но совсем не в моем вкусе, однако чего не случается в жизни...

– Совершенно ничего не помню! – твердо сказал я. – Николай Николаевич мне сказал, что у вас были сильные боли? А как вы теперь себя чувствуете?

– Хорошо, спасибо, теперь совсем выздоровела, – не вдаваясь в подробности, ответила она и опять переключила внимание на мужа, с нетерпением ожидавшего возможности продолжить рассказ. Однако заботливая супруга не дала ему такой возможности, перебила на полуслове и отправила в покои, переодеться с дороги. Князь, в сопровождении камердинера, тотчас ушел и мы с Марьей Ивановной остались с глазу на глаз. Похоже, сейчас должно было начинаться самое интересное. Княгиня какое-то время молчала, потом спросила надолго ли я лишился памяти.

– Это никогда заранее неизвестно, может быть, на несколько дней, а может быть и навсегда, – ответил я.

– Значит вы можете все вспомнить?

– А что, между нами случилось какое-то неудовольствие о котором вы не хотите помнить? – прямо спросил я, следя за ее взглядом.

– Господь с вами! – быстро ответила она, испугано стрельнув по сторонам глазами. – Ничего такого между нами не было!

– Надеюсь, я вас ничем не обидел? А то давеча, когда мы с вами встретились, вы явно ко мне не благоволили.

Конечно, так наседать на женщину было невежливо, но и мне не слишком понравился недавний прием.

Если я действительно спас ей жизнь, то княгине стоило быть немного любезнее.

– С чего вы так подумали? – с деланным удивлением, спросила она.

– С чего? Вы испугались, когда увидели меня, и никак не хотели, чтобы я здесь остался, – сказал я.

– Вам это показалось, – перебила она.

– Не поблагодарили за лечение, – я намерено не сказал «спасение жизни», – все время пытаетесь что-то выяснить. Вполне может быть, что между нами летом случилось такое, что вы никак не хотите вспоминать!

Марья Ивановна выслушала, не поднимая от пола глаз, и так покраснела, что вспыхнули щеки. Потом заговорила медленно, с трудом подбирая слова:

– Вот значит, о чем вы подумали. Не знала, что мужчины могут быть такими наблюдательными. Нет, если вы говорите о том, что мы строили куры, то могу вас уверить, ничего неприличного между нами не случилось, я люблю своего мужа и ему верна. Дело в другом, кое до вас не касается и, слава Богу, что вы ничего о том не помните! И прошу вас, Алексей Григорьевич, ни о чем, ни меня, ни мужа не спрашивайте!

Теперь уже я не мог подобрать слов, теряясь в предположениях, что с нами могла случиться такое тайное и неприятное. Впрочем, все могло быть и много проще, обыденнее. Например, у княгини есть какой-то физический недостаток, явный или надуманный, вроде некрасивого родимого пятна на теле и ей неприятен человек, который мог ее видеть без одежды и о нем знает. Психика человека вещь сложная и мало предсказуемая.

– Хорошо, если вам так угодно, – согласился я. – Я сразу же после обеда покину ваш дом, чтобы не доставлять вам неприятных волнений.

– Теперь, когда мы объяснились, в этом больше нет нужды, – ответила она. – Тем более, что вы без экипажа. Оставайтесь, пожалуйста, вы нас этим очень обяжете.

Меня такая быстрая смена настроения удивила, тем более, что наше объяснение совсем немного стоило, во всяком случае, для меня. Однако мне действительно пока деваться пока было некуда, и пришлось согласиться.

– Спасибо за приглашение, я, пожалуй, и правда, останусь у вас до завтрашнего дня.

Марья Ивановна, удовлетворенно кивнула, улыбнулась и приказала горничной девушку отвести меня в покои для гостей.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – сделав по всей форме глубокий придворный реверанс, сказала горничная, миловидная молодка с бедовыми глазами и позвала меня за собой.

– Как тебя зовут-то красавица? – спросил я, когда мы остались вдвоем.

– По-нашему или по-французски? – уточнила она, сияя белозубой улыбкой. – Как вам, сударь, больше нравится называть?

– Так как тебе самой!

– Тогда кличьте Аннеткой!

– Тебе сколько лет Аннет? – в рифму спросил я.

– О, я уже старая, – почему-то прыснула девушка, – считай через год будет ровно двадцать!

– Да, ну?! – делано удивился я. – Не может такого быть, люди так долго не живут!

Горничная сначала немудрящую шутку не поняла, посмотрела удивленно, но тут же рассеялась.

– Ну, вы тоже скажете! А вам, барин, сколько лет?

– Я уже лет десять назад как умер, – серьезно ответил я.

Аннет быстро взглянула на меня, но почему-то не засмеялась и даже немного от меня отстранилась. Помолчала и задала совершенно наивный вопрос:

– Вы, правда, десять лет назад померли?

– Шучу конечно, – пошел я на попятный. – Разве люди после смерти не в могиле лежат, а по земле ходят?

Она ответила не сразу, мы как раз поднялись на второй этаж, и вошли в длинный коридор с анфиладой комнат по обе его стороны, и девушка придержала дверь, чтобы я прошел, потом все-таки пробормотала себе под нос:

– В жизни всякое бывает!

– Может и бывает, только я такого никогда не видел! – не без умысла, сказал я.

– А ты что встречала ходящих покойников?

– Ах, сударь, зачем ты такие разговоры ведешь?! Не к добру это!

– Прости, Аннет, больше не буду. Это я просто с тобой шутил! – покаянно сказал я, удивляясь ее странной реакции на невинный разговор.

– Нехорошие у тебя шутки, – сердито сказала она, – днем еще не страшно, а ночью ужас полный, глаз со страха не сомкнешь!

– А ты приходи ко мне спать, я тебя в обиду не дам! – сострил я.

Девушка, ничего не говоря, отворила дверь, и мы вошли в просторную комнату обставленную, как и все в доме, монументальной, богато декорированной мебелью в стиле ампира. Похоже, что хозяева недостатка в средствах не испытывали. Пока я от порога рассматривал все это громоздкое, имперское великолепие, за спиной прозвучал тихий голосок:

– Если велишь, приду.

– Куда придешь? – спросил я, не сразу поняв, к чему Аннет это сказала.

– Сюда, ночью, – тупя глаза, ответила она. – Сам же позвал...

– А..., нуда, конечно, позвал, м-да, – заблеял я, не зная как выбраться из собственной легкомысленной шутки. Не то что бы девушка мне не понравилась, напротив, она была очень

даже ничего, но так сразу в чужом доме тащить в постель хозяйскую горничную было явным моветоном. – А господа, если узнают, на нас не рассердятся?

– А зачем им это знать? – удивилась она. – Я хоть и крепостная, но собой вольная, и могу сама себе на орехи заработать!

– Вот оно что! – наконец понял я такой неожиданный для меня расклад. – Спасибо, ради этого ко мне приходить не нужно, а на орехи я тебе и так могу дать.

В подтверждении, я сунул ей серебряную монету в пять франков. Аннет взяла ее, как говорится, бестрепетной рукой и отблагодарила меня реверансом и прочувственным взглядом.

– Ты сейчас иди, мне нужно отдохнуть, – попросил я, чтобы разрешить щекотливую ситуацию. – Как-нибудь потом поговорим...

Девушка загадочно улыбнулась и выпорхнула из комнаты, а я так и остался в сомнениях, что ночь грядущая готовит. Впрочем, до ночи было далеко, время приближалось только к полудню. Первым делом я разоружился, спрятал оружие в шкаф, после чего спустился в зал и попросил сидящую на стуле ключницу прислать мне в комнату горячую воду.

Пожилая женщина со звенящей на поясе связкой ключей, вместо того чтобы честно сказать, что горячей воды нет, когда ее согреют неизвестно и начать жаловаться на беспросветную долю и тяжелую жизнь, легко подхватила и пообещала, что воду принесут тотчас, спросила какое мыло я предпочитаю и быстрым шагом удалилась. Я, же в полном смятении остался стоять на месте, не понимая что, здесь происходит, и куда меня забросила судьба!

Впрочем, шок прошел минут через двадцать-тридцать, когда вместо деловитой матроны ко мне в комнату явился какой-то сонный охламон с пустым глиняным горшком и на вопрос, где вода, ответил, что расплескалась по дороге. В этот момент я облегченно вздохнул и поверил, что по-прежнему нахожусь в любезном отечестве.

– Баня у вас здесь есть? – миролюбиво спросил я его.

– Баня?! – удивленно, даже скорее, отрешенно, переспросил он, будто я поинтересовался тайным военным полигоном. – Кто же ее знает, может, есть, а может и нет. Каретный сарай есть, конюшня есть, рига, – начал он неспешно перечислять дворовые постройки, – коровник, сенной сарай тоже есть...

Назвав очередное строение он на миг замирал, ожидая вопроса о бане, но я молчал, тогда охламон хитро подмигивал распухшим глазом и называл следующую службу. В другом случае, я возможно и возмутился бы на такую нехитрую тактику развести приезжего лоха на пустом месте, однако теперь мне было не до лукавых рабов и их проблем с опохмелкой. Я внимательно выслушал все, что соизволил сказать лакей, поблагодарил его за интересный, содержательный рассказ и сам отправился на поиски горячей воды.

Энергичная ключница уже вернулась на свой стул и с нетерпением ждала новых барских распоряжений и капризов. Мы с ней обменялись понимающими взглядами, и я вышел во двор. Баня как ей и положено, оказалась на задах усадьбы, при ней состояли два мужика, которые за несколько медных копеек устроили мне прекрасную помывку, почистили одежду, так что к обеду я стал вполне комильфо.

За барским столом в просторной трапезной сошлось человек двадцать гостей и приживалов. Я здесь никого не знал, потому устроился подальше от головы стола, тем более что никого яствами тут не обносили. Николай Николаевич нашел меня взглядом и жестом предложил сесть рядом, однако я поблагодарил его поклоном и остался на своем месте.

По случаю возвращения хозяина обед получился праздничным. Уже давно мне не доводилось есть разносолы, столь искусно приготовленные соперничающими между собой русским и французским поварами. Они оба маячили при входе в трапезную, наблюдая за реакцией хозяев и гостей на свои кулинарные шедевры. Не знаю, кто из них посчитал себя победителем, мне показалось, что и русская и французская традиции были выше всякой критики и вполне заслуживали самой высокой оценки.

Несмотря на то, что тосты в честь Урусова следовали один за другим, и в питье себя никто не ограничивал, никто не напился, и собравшееся общество вело себя вполне пристойно. Когда я немного привык к обстановке, начал приглядываться к новым лицам. Судя по стилю поведения, за столом собрались люди как-то зависимые от хозяев, что чувствовалось в излишних восторгах в адрес княжеской четы и некотором подобострастии поведения. Впрочем, все оставалось в рамках приличия, что меня, честно говоря, порадовало. Нет ничего противнее, наблюдать за добровольным унижением раболепных подданных.

Когда физические возможности обедающих оказались, исчерпаны и самый ненасытный гость, мужчина непомерных размеров со щеками, закрывающими уши, откинулся на спинку стула, довольный князь подозвал обоих поваров и на двух языках высказал им свое благоволение. На этом, собственно, обед и окончился. Все встали из-за стола. Несколько мужчин прошли в биллиардную, пить ликеры и курить сигары. Сам же Николай Николаевич и остальная часть компании, включая, дам, отправилась по своим покоям отдыхать.

Только лишь я вошел в свою комнату, как стащил с ног сапоги, сбросил всю одежду и сразу же рухнул в постель. Впервые за довольно продолжительный промежуток времени мне удалось по-человечески поесть и лечь на чистые простыни. Сон сразил меня, как удар дубиной по голове. Стоило только вытянуться на постели, как я мгновенно заснул и проспал без прерыва до середины ночи.

Разбудили меня скрип половицы и свет горящей свечи. Я открыл глаза и увидел склонившегося над собой человек. Свеча стояла за его спиной на столе, и лица неожиданного гостя рассмотреть было невозможно.

– Кто вы?! – хриплым со сна голосом спросил я, еще ничего толком не соображая после темного, провального сна на полный желудок.

Незнакомец отпрянул и окончательно превратился в темный силуэт.

– Не бойтесь меня, я не причиню вам зла! – громким шепотом ответил он.

– А я и не боюсь, – сварливо ответил я, осознавая, что лежу голым поверх одеяла и от этого испытывая понятное неудобство. – Как вы сюда попали?

– Дверь была открыта, – виновато ответил он, – я случайно зашел...

И зачем-то зажег свечу, – подумал я, а в слух сказал:

– Если вам это не мешает, то я встану и оденусь!

– Да, конечно, извините, я выйду и подожду в коридоре.

Он действительно пошел к двери и теперь, когда свет оказался за его спиной, я разглядел худощавую фигуру молодого человека в шлафроке с совершенно лысой головой. Я быстро встал и натянул на себя белье и панталоны.

– Теперь можете войти, – позвал я.

Ночной гость тотчас вернулся в комнату. Было ему на вид лет двадцать пять.

Его худое вытянутое лицо венчал идеально круглый череп.

– Я объяснюсь, – по-прежнему шепотом, сказал он. – Вы, наверное, меня не помните, матушка рассказала, что в вас попала бомба, и вы потеряли память, а между тем мы были немного раньше знакомы. То есть не то что знакомы, нас не представляли, но я вас уже видел.

Это все было как-то запутано, то знакомы, то он меня просто видел, но я уже догадался, кто это мог быть и спросил:

– Вы сын Урусовых, – догадался я, – и мы, вероятно, встречались нынешним летом? – догадался я.

– Не то, что встречались, – ответил он, – я обычно к гостям не выхожу, но может быть, мельком и сталкивались.

– Нет, я ничего не помню о нынешнем лете, так что нам стоит познакомиться заново.

– Да конечно, позвольте вам рекомендоваться, Иван Николаевич Урусов. Мы бы с вами нынешним летом могли почти подружиться. Мои приятели об вас хорошо отзывались. Жаль, что с вами произошло такое несчастье.

– Ничего, я со временем все вспомню, – пообещал я, не зная о чем с ним говорить дальше. – Как поживаете?

– Мне, кажется, я не вовремя, – не ответив на вопрос, сказал молодой Урусов, – я, если вы не против, зайду завтрашней ночью.

– Почему ночью? – не понял я. – Если вам есть нужда со мной говорить, говорите сейчас, возможно, я до завтрашнего вечера здесь не останусь.

Молодой человек внимательно меня выслушал, какое-то время обдумывал ответ и сказал так, что я невольно им заинтересовался.

– Останетесь, вам пока некуда идти.

– С чего вы это взяли? – удивился я его осведомленности о моих делах. Вернее об их отсутствии.

– Так, просто знаю, – скучным голосом ответил он. – Я многое знаю...

– Что именно? – спросил я, начиная подозревать, что у молодого князя не все дома.

– Я живу ночью, а днем сплю, – с запинкой ответил он, – вы сами видите какой я, мне нельзя, чтобы меня видели чужие. Потому матушка сначала и не хотела, чтобы вы у нас гостили. Я избегаю посторонних, встречаю людей только своего короткого круга. Я не совсем, такой как все.

– Да? Теперь понятно, а что в вас такое особенное?

– Во мне? Как, вы сами не видите?

– Нет, – совершенно искренне ответил я, – по-моему, выглядите вы достаточно импозантно. Вам идет бритая голова...

– Она не обрита, – перебил он, – у меня совсем не растут волосы!

– Ну и что, вас это смущает? Тогда носите парик. Я встречал многих людей, у которых плохо росли волосы, но никогда не думал, что это для них было большим несчастьем! Причем не только для мужчин, но, даже, для женщин.

Теперь я понял, что мучит бедного парня, но так как нет ничего более простого, чем игнорировать чужие комплексы, отнесся к его горю довольно спокойно.

– Живите так, чтобы никому и в голову не пришло считать ваши волосы, – добавил я.

– Но как же! – воскликнул он, впервые повышая голос. – Не могу же я всю жизнь ходить в парике! – ответил он на зацепивший его совет. – Без волос человек урод!

– Что такое красота или уродство? Всего лишь отклонение от середины, если вас волнует успех у прекрасного пола, то большинству женщин нужна не наша внешность, а место в обществе. Вы князь, вы богаты, сейчас идет война, поступите в армию, станьте героем, это можно сделать и без волос на голове и, поверьте, против такого не устоит ни одна красавица.

Кончив свою назидательную речь, я подумал, что она пропала втуне, Иван Урусов, никак не реагируя на «мудрые» слова, смотрел мимо меня на темное окно.

– Увы, вы меня не понимаете, я ведь не просто человек, а человек не от мира сего. Я избранный!

На это возразить или ответить было нечего, кроме того, что посоветовать, сходить к психиатру.

– Мне нельзя поступать так, как обычным людям, я должен совершить великий подвиг! – вполне серьезно сказал он.

– Да? Ну, тогда я вам не советчик, я самый простой человек и не преследую своей жизнью ваших возвышенных целей!

– Могу вам в этом только позавидовать, – грустно сказал он, – у меня совсем другая судьба. Вам очень понравилась Анюта? – совсем не в тему спросил он.

– Анята? – удивился я такому неожиданному переходу. – Я не знаю никакой Аняты. «Не для какой-нибудь Аняты из пушек делают салюты» – процитировал я пришедшее на память двестишестидесяти Козьмы Пруtkова.

– Анята девушка, что проводила вас сюда, – тихо, стараясь не смотреть на меня, продолжил он. – Вы ей еще денег дали...

– А вот вы о ком говорите! О горничной? Только она назвалась не Анятой, а Аннет.

– Это все одно. Она вам понравилась? – дрогнувшим голосом, повторил он вопрос.

Только теперь я понял, чего ради, он явился ночью в мою комнату и так странно себе ведет. Вероятно, князь влюблен в дворовую девушку, не пользуется успехом и отчаянно ее ревнует. Пришлось выкручиваться:

– Аннет, кажется, милая девушка, только я ее, признаться, толком не рассмотрел.

– Но вы дали ей деньги, – настойчиво проговорил он.

– Ну и что? Она меня проводила, я дал ей на чай. Обычное дело. А что, не нужно было?

– Так вы в нее не влюблены?! – поверив мне на слово, воскликнул он.

– Влюблен?! Чего ради?

– Тогда простите меня, это я так, мне совсем не нужно было сюда приходить. Я помешал вам спать.

– Пустое, я и так спал с самого обеда. У вас в доме можно где-нибудь найти воду или квас, пить очень хочется.

– Я распоряжусь, вам принесут сюда, – ответил он, видимо, пользуясь возможностью уйти без ущерба для собственного достоинства.

– Буду премного благодарен, – сказал я, провожая Урусова до двери.

Молодой князь ушел, а я присел в широкое кресло, ожидать обещанное питье. Ночь была где-то на второй своей половине. В доме стояла полная тишина. Минут через десять, в дверь тихо постучались.

– Войдите, – сказал я и пошел встретить слугу.

Однако вместо слуги с напитком, в комнату вошла девушка в одной длинной рубашке и кокетливом чепчике с оборками и бантиками на голове. Я сначала обозначился, решил, что это явилась Аннет спастись от ночных страхов, но гостьей была не горничная, а незнакомая девушка. У нее были неправильные черты лица и болезненный вид.

– Э-э-э, – протянул я, но так ничего и не сказал, тем более что она меня тотчас перебила.

– Простите за поздний визит, у вас только что был мой брат... Мне можно войти?

– Входите, княжна, – я вспомнил, что видел ее за обедом, она сидела подле хозяев в начале стола, – только мне сейчас принесут воду, как бы...

– Ничего, я всего на минутку, – ответила она.

Мне пришлось отстраниться и пропустить ее в комнату. Эти странные ночные визиты уже начинали слегка напрягать. Хорошенькое дело если юную хозяйскую дочь застанут в моей комнате. Объяснить, что она тут делает в одной ночной рубашке, будет нелегко.

Княжна, как только оказалась в комнате, сразу же села на стул и стала рассматривать обстановку, как будто никогда здесь раньше не была.

– Слушаю вас, барышня, – холодно сказал я, так и не дождавшись объяснений, что ее привело сюда в такое время.

Княжна, прервала осмотр комнаты и повернулась ко мне:

– Зачем к вам приходил князь Иван?

– Он был у меня, – начал я, но по ходу решил, не лезть в чужие дела и сказал то, что и должно было в такой ситуации. – Вам лучше об этом спросить у него самого.

– Он не станет со мной говорить, – сказала княжна, – он у нас такой нелюдимый!

– Тогда я ничем не смогу вам помочь, однако могу вас уверить, что это был простой светский разговор, никак до вас не касаемый, – велеречиво вполне в духе времени, объяснил я нежелание говорить на эту тему.

– Вы это, наверное, говорите? Он ничего обо мне не спрашивал? – с плохо скрываемой тревогой спросила она.

– Совершенно так, будьте в этом благонадежны, простите, я даже не имею честь знать вашего имени...

– Имени? Мне зовут Машей, как и маменьку, – сказала княжна. – Вернее будет сказать, так как я уже взрослая, Марьей Николаевной.

– Очень приятно было познакомиться, – шаркнул я по полу босой ногой и взял ее под руку. – А теперь, дорогая Марья Николаевна, вам лучше уйти к себе, если вы не хотите чтобы нас тут застали вдвоем!

– Да, да, я сейчас уйду. Так братец наверное ничего обо мне не говорил?

– Не говорил, – начиная раздражаться, повторил я, пытаясь вытеснить ее к порогу. – Покойной ночи!

– Ах, какой тут покой! – огорченно сказала княжна. – Если бы вы только знали!

Однако узнать что-либо я не успел, в дверь опять постучались.

– Какой ужас! – прошептала барышня. – Если меня здесь застанут, я погибла! Спрячьте меня, ради Бога! Я вас умоляю!

Что я в тот момент подумал, передать литературным языком невозможно, а наиболее эмоциональные эпитеты мне теперь стыдно повторять даже про себя.

– Лезь в шкаф! – забыв всякие приличия, зашипел я и в мгновение ока, засунул гостью в большое отделение шкафа, где было сложено мое оружие.

Прикрыв дверцу, я метнулся к дверям и слегка ее приоткрыл, придерживая ногой, и высунул в коридор руку:

– Давай сюда!

– Чего давать? – спросила Аннет.

– А, это ты, Анюта, тебе чего? – не слишком любезно ответил я.

– Может быть, вы, барин, меня впустите в комнату или так, и будем разговаривать через дверь? – сердито сказала она.

– Ко мне нельзя, – сдуру сказал я, забыв, что такое женское любопытство, потом добавил не слишком убедительный довод, – я не одет!

– Ничего, я на вас смотреть не стану, – ехидно сказала она. – Обещали меня ночью беречь, вот я и пришла!

– Знаешь что, Анюта, давай лучше я тебя поберегу как-нибудь в другой раз, сейчас мне принесут квас и нехорошо, если тебя здесь увидят.

– Ничего я не боюсь, мне скрывать нечего, я девушка честная!

– Конечно честная, кто бы в этом сомневался, только на чужой роток не накинешь платок, зачем тебе лишние разговоры!

– У тебя там уже кто-то есть? – легко перейдя, с холодного вы, на сердечное ты, подозрительно спросила она.

– С чего ты взяла! – чуть быстрее, чем следовало, ответил я. – Я же сказал, что не одет и мне должны принести...

– Слышала я про квас! Тогда я посижу возле двери, как же такого барина оставлять без присмотра. Коли вы так такой трус, и боитесь, что вас честная девушка без одежды увидит!

– Это твое дело, хочешь сидеть сиди, только смотри яичко не высиди! – разозлился я. – Говорю тебе, ко мне нельзя, значит нельзя. Я спать хочу! Принесут квас, можешь отослать его назад, я ложусь!

– Хорошо, – послушно ответила она. – Мне в коридоре не так боязно, как в девичьей.

Похоже, что в этом доме жили одни ненормальные. Я прекратил разговор, захлопнул дверь и запер ее на задвижку. На лбу от всего происходящего даже выступила испарина. Что теперь делать с княжной Марьей я не представлял даже приблизительно. Самовольная, импульсивная горничная увидев ее не преминет поднять шум, а после этого начнется такое! Главное было бы за что страдать!

Не успел лязгнуть засов, как тихо скрипнула дверца шкафа и оттуда вылезла сама виновница происшествия.

– Тише ты! – забыв даже думать о светском этикете, зашипел я. – Лезь назад в шкаф!

– Там нечем дышать, и пахнет горелым порохом, а меня от этого запаха тошнит! – обиженно сказала она. – Я лучше на кровати полежу.

– Делай что хочешь, – обреченно сказал я, – но учти...

Что ей нужно учесть, я не придумал и вместо этого махнул рукой.

– А это кто приходил? – спросила девушка, забираясь на кровать.

– Анюта, она теперь сторожит возле дверей! Тебе это понятно?!

– Понятно, – спокойно ответила она. – А какая Анюта Пирогова или Савельева?

– Не знаю, та, что горничная, в которую твой братец влюблен!

– А, значит Пирогова. И что ей нужно?

– Видимо того же что и тебе! – окончательно отказавшись от церемоний, ответил я. – Ты можешь ответить, зачем явилась сюда среди ночи?

– Конечно, могу, я же вам говорила, хотела спросить о брате, – явно не поняв моего раздраженного тона, ответила девушка.

– Вот и Анюта тоже хотела что-то спросить, а я не пустил ее в комнату, – дал я задний ход, не понимая чего тут больше: невинной дурости или раскованности. – А теперь скажи, как ты отсюда выйдешь, если она всю ночь будет стоять под дверью?

Княжна подумала и тотчас все решила:

– А я никуда выходить не буду, посплю тут.

– Тут?! А если нас застукают? Ты представляешь, что будет, если твои родители узнают, что ты ночевала в одной постели с мужчиной?!

– Ничего не будет, скажу, что перепутала комнаты, – спокойно ответила она.

– Ну, блин, вы даете! – только и смог сказать я. – И они поверят?

– Конечно, поверят. Папенька у меня добрый, настоящий ангел, а маменька всегда мою сторону держит. Да вы не бойтесь, я тихо сплю, вы меня и не услышите!

Что мне оставалось делать, когда я даже не смог понять, кто она, наивная дурочка или прожженная авантюристка.

– Хорошо, если так, давай будем спать, – вынуждено согласился я. – Задуть свечу?

– Не нужно, мне без света будет страшно. А вы, Алексей Григорьевич, – впервые назвала она меня по имени, – правда колдун?

– Колдун? – удивился я, начиная понимать, чем моя скромная персона вызвала такой ажиотаж у местного женского населения. – С чего ты решила, что я колдун?

– Ну, так, люди говорят. И маменьку вылечили, и ваш человек рассказывал...

– Какой еще человек? – проигнорировав «маменьку» спросил я. – У меня никаких чело- веков нет, я сам по себе!

– Как же нет? А тот, что с вами приехал! Он много чего о вас рассказал.

– Вы говорите о крестьянине, что увязался за мной? Он же обычный вун! Я познакомился с ним два дня назад! – сердито сказал я. – Тоже, нашли, кому верить! Я ему завтра все уши оборву!

– Не хотите говорить, не говорите, – обиделась княжна. – Только напрасно, мне можно любую тайну доверить. Вот вы же никому не скажете, что я у вас в комнате ночевала?

– Ясное дело не скажу, – машинально ответил я, с ужасом представляя, сколько турусов на колесах мог нагородить мой философствующий возничий.

– Ну, вот видите! – обрадовалась княжна. – И я умею хранить секреты! Если вы, например, меня поцелуете, я о том никому, до самой смерти не расскажу!

– Зачем мне вас целовать? – осторожно спросил я, начиная опасаться, что так просто наше совместное лежание не кончится. Княжна вблизи оказалась не такой уж некрасивой. Обычная молодая девушка с нежной, правда, очень бледной кожей и грустными глазами.

– Не знаю, зачем мужчины барышень целуют, наверное, вам это нравится, – объяснила она.

Сказав это, княжна Марья приподнялась на подушке и посмотрела мне прямо в глаза. Не могу сказать, что в них была одна только невинная чистота. Глаза смотрели довольно лукаво.

– А вас уже кто-нибудь целовал? – задал я обычный мужской вопрос, машинально, на всякий случай, прощупывая, почву для дальнейших отношений.

Барышня состроила гримасу и уклонила от прямого ответа:

– Не знаю, кажется, нет.

– Что значит, «кажется»? – искренне удивился я. – Я что-то себе не могу представить человека, который не знает, целовался он или нет!

– Ну, зачем вы так говорите, я, правда, не знаю, – она как-то загадочно улыбнулась, отчего ее лицо стало милым и женственным. – Однажды я спала, а ко мне в комнату вошел Жорж Щербинин.

– Это еще кто такой? – перебил я.

– Вы не знаете Щербининых? Довольно известный род. Конечно, по знатности им далеко до Урусовых... Они к нам приезжали всем семейством, Жорж был тогда кавалерийским юнкером. Интересно где он сейчас?

Я внимательно смотрел на княжну и никак не мог понять, нравится она мне или нет.

– Ну и что сделал Жорж, когда вошел?

– Не знаю, я ведь так и не проснулась, но мне кажется, что он меня поцеловал, – словно вспомнив что-то приятное, отвела взгляд княжна Марья.

– И что вам еще тогда показалось? – перешел я на ее язык. – Вам не показалось, что он еще и прилег рядом с вами?

– Я так крепко спала... Впрочем может быть и прилег. Он такой милый и скромный юноша... Мне так не хотелось просыпаться и его отталкивать... А ведь сон не может быть грехом? Я, правда, на всякий случай, потом свечку Матери Заступнице поставила.

– Понятно, – сказал я, вполне представляя, какой сон ей тогда приснился.

Недаром говорят, что девятнадцатый век был самым ханжеским в обозримой истории. Однако не проснуться, когда рядом с тобой в постели лежит «скромный» юнкер, на мой взгляд, было большим перебором.

– И много еще таких снов тебе снилось? – спросил я, опять переходя на «ты».

– Нет, кажется, всего один тот раз, – ответила она и переменяла тему разговора. – А как ты колдуешь?

– Хочешь узнать? – хмуро сказал я. – Раздевайся, покажу!

– Раздеваться? Зачем? – удивилась барышня.

– Так полагается.

– Хорошо, – тотчас согласилась она, единственно, что уточнила, – а совсем раздеться или чепчик можно оставить? Маменька никогда ночью чепчика не снимает, говорит, что черти могут в волосы вцепиться.

– Чепчик можешь оставить, – разрешил я, сам еще не зная, что я буду делать дальше. После рассказа о юнкере Щербинине, мой романтический порыв, сразу пошел на спад.

– Хорошо, я разденусь, – спокойно сказала княжна, встала и действительно сняла через голову ночную рубашку.

Она, как и большинство молодых девушек была «приятной для глаз».

– И что дальше делать? – спросила она стоя рядом с постелью.

– Ложись и закрой глаза, – распорядился я.

Девушка послушно все исполнила, легла на спину и разве что глаза зажмурила слишком сильно. Я посмотрел на нее. Без одежды она казалась полнее, чем в рубашке и не совсем здоровой.

– Вы теперь будете колдовать? – не зная, что я собираюсь делать, спросила она.

– Да, буду, – ответил я и взял в руку ее запястье. – Ты когда бегаешь, задыхаешься?

– Откуда вы знаете? – удивилась Марья и не выдержала, посмотрела на меня.

– От верблюда, похоже, у тебя, милая, порок сердца, тебе не с юнкерами сны смотреть, а лечиться нужно, – вздохнул я. – Ладно, чем смогу помогу, а потом я тебе в таком сне приснюсь, что никаких юнкеров вспоминать не захочешь!

Глава 4

Когда я проснулся, княжны в комнате уже не было. Ночной сеанс лечения, так меня вымотал, что лишь только я кончил свои шаманские пассы, крепко уснул. Когда Мария встала и ушла, я не слышал. Судя по тому, что в доме было тихо, наше «тайное свидание» осталось не раскрытым, и пока меня никто не призывал к ответу за растление девицы.

Первым делом я дернул шнур звонка. За последние тринадцать лет, что я пропустил в развитие страны, судя по косвенным признакам, здесь многое изменилось.

Во всяком случае, гостей селили не в каморки со скудными признаками мебели, а в комфортабельные комнаты, появились даже звонки. Впрочем, на мой вызов так никто и не явился, пришлось самому вставать и идти разбираться с завтраком.

Как обычно бывало почти во всех барских усадьбах, которые мне довелось посетить, дворни здесь было не меньше чем государственных чиновников в Российских учреждениях. Занималась она тем же чем и чиновники, слонялась, с деловым видом безо всякого видимого дела и прока.

– Эй, любезный, – окликнул я лакея со смазанной маслом, блестящей прической, – где бы мне...

Малый бросил на меня затравленный взгляд и словно на глазах растворился в воздухе. Пришлось идти дальше. Внизу в парадном зале на прежнем месте сидела энергичная ключница. Однако стоило мне посмотреть в ее сторону, как она сорвалась с места и, звеня связкой ключей, скрылась в неизвестном направлении. Только теперь я вспомнил, что благодаря словоохотливому возничему, меня здесь считают колдуном. Оставалось как-то выкручиваться самому, но тут появилась на горизонте Аня и прямо направилась ко мне.

– Аннет! – радостно воскликнул я, направляясь к ней навстречу. – Какая встреча!

Девушка презрительно на меня посмотрела, словно с ног до головы окатила холодной пеной зимнего штормового моря, и сделала не менее презрительный, чем взгляд книксен. Это у нее получилось так выразительно, что я не выдержал и покатился от хохота. Аня сначала еще больше рассердилась, даже гневно блеснула своими синими глазами, но потом, глядя на меня оттаяла и засмеялась сама.

– Ну, не сердись, пожалуйста, – отсмеявшись, попросил я, – не мог я тебя вчера к себе пустить, так получилось...

– Знаю, барчук, поди, на меня жалиться приходил, – окончательно прощая, сказала она, – надоел он мне. Всю только обслуживит, а платочка за полушку не подарит. А вас, как встанете, барыня просила к ней прийти, они в малой гостиной сидят.

– Ладно, пойдем к барыне, – согласился я. – Ты не знаешь, где у вас можно позавтракать?

– Могу приказать в комнату принести, а хочешь, так в буфетной.

– Лучше в буфетной, – решил я, уже наученный, как тут приносят заказы. – Что княгиня, здорова?

– А чего ей сделается, все утро с барышней шепталась, теперь вас дожидается.

– Да? – без особого восторга сказал я. – Интересно, о чем это они шептались...

Марья Ивановна в роскошном утреннем платье сидела на большом бархатном диване в окружении трех дам достойного возраста, и немного походила на парадный портрет Екатерины II.

Впрочем, к такому идеалу стремились многие матроны этой эпохи. Я подошел и почтительно поклонился.

– Садитесь, любезный Алексей Григорьевич, – ласково сказала она, и у меня сразу же отлегло от сердца. Похоже, пока меня не собирались принудить загладить дочерний грех женитьбой.

Я поцеловал у княгини ручку и сел рядом на краешек дивана, вполне сообразно моде этого времени: согнув одну ногу в колене, а другую, отставив на отлет. Сидеть так было неудобно, зато выглядел я эффектно.

– Я хочу поблагодарить тебя за Машу, – переходя на «ты», сказала матрона. – Она тобой не нахвалится!

– Ну, наше дело такое, так сказать, долг, и вообще, – не зная, не только, что говорить, но даже что по этому поводу думать, забормотал я.

– Я ее уже ругала, что она меня не разбудив, сразу отправилась к тебе, – продолжила княгиня, – да видно дочка права, слишком большая у нее нужда случилась!

– Это ничего, какие еще церемонии, – поддакнул я, пока еще не понимая, о чем идет речь.

– Маша говорит, что ты волшебник, она почти перестала задыхаться. Поверишь, мы так измучились, ничем не умея помочь. Доктора говорят, это со временем пройдет, но я им не верю. Это так страшно когда болеют дети!

– Так ей стало лучше? – наконец уразумев, что речь идет о болезни, спросил я.

– Да, много лучше, она даже пошла погулять. Ты уж, Алексей Григорьевич, не сердись на девочку, что она подняла тебя в такую рань.

– О чем вы говорите, княгиня, у княжны не совсем хорошо с сердцем. Я как сумею, помогу, но ей нужно будет больше двигаться, помногу ходить пешком...

– Голубчик, если поможешь дитю, я тебе буду по гроб жизни благодарна. Маша у меня такая чудная девочка. Мы все так за нее боимся!

– Конечно, Марья Ивановна, я сделаю все, что в моих силах. И пока тут у вас, понаблюдаю за ней.

– Понаблюдай, голубчик, понаблюдай. Может тебя поселить рядом с ней? А то у нее сердцебиения бывают большей частью по ночам.

Вопрос оказался соблазнительно двусмысленным и я, было, собрался отказаться, княгиня это поняла и поспешила уговорить:

– Комната что рядом с Машиной не хуже твоей нынешней, тебе там будет удобно.

Я понял, что выбора у меня не остается, и не стал сопротивляться.

– Ладно, мне все равно где жить, пусть будет рядом с княжной...

– Большое тебе, Алексей Григорьевич, спасибо. А уж как Маша обрадуется!

Спорить я не стал, может так оно и будет, княжна нашему соседству обрадуется. Однако я почти дал себе слово постараться не воспользоваться благоприятной ситуацией.

Мы еще перекинулись парой слов, я раскланялся с Марьей Ивановной и пошел в буфетную комнату. Там оказалось довольно многолюдно, четверо местных обитателей, по виду небогатые дворяне, соседи, а возможно, бедные родственники хозяев, коротали время между завтраком и обедом за охлажденными напитками. Когда я вошел, общий громкий разговор разом оборвался, и на меня уставились пять пар испуганных глаз. Я поклонился и собрался представиться, но не тут-то было! Гости, побросав недопитые стаканы, с хорошей скоростью рванули к выходу, за ними попытался улизнуть и буфетчик, но мне удалось его поймать в прямом смысле за руку.

– Стой! – строго сказал я. – Ты это куда бежишь?

– Ваше высокоблагородие, ваше сиятельство, – забормотал он, – мне всего на минутку отлучиться, а потом я вашему... все что хотите. Не погубите невинную душу!

Буфетчик был невысок ростом, но широк в талии, с круглым, как полная луна лицом и трясся, как студень на вибростенде.

– Погоди любезный, – попытался я его успокоить, – не бойся, никакой я не колдун и ничего тебе плохого не сделаю! Если конечно ты меня накормишь.

– А-а-а, в-а-а-а, – опять начал заикаться он, но, посмотрев на меня, успокоился и вполне членораздельно спросил, что мне подать.

Мы обсудили меню и я сел за общий стол, заставленный недопитыми стаканами и початыми бутылками. Там, спустя двадцать минут меня отыскала княжна Марья. Я уже кончал завтрак и собирался встать из-за стола, когда она влетела в буфетную комнату и сразу подошла ко мне.

Теперь при дневном свете, с разругавшимися щеками, она выглядела прелестью, впрочем, повторяю, как почти любая девушка ее возраста. Не могу сказать, что у нее были классические черты лица или с первого взгляда в ней была видна аристократка, скорее напротив, лицо Маши было просто, округло, носик вздернут, а подбородок чуть маловат. Однако веселые, живые глаза и соблазнительно припухшие губы очень ее украшали, и мне стало весело на нее смотреть.

– Ах, вот вы где, Алексей Григорьевич, – воскликнула она, – а я вас по всему дому ищу.

А я подумал, что разок ее поцеловать, конечно, только во сне, большим грехом не будет...

– Маменька вам говорила, что после вашего лечения у меня перестало болеть в груди?

– Говорила, – подтвердил я, – и попросила переселиться в комнату рядом с вашей, для продолжения лечения.

– Правда? – засмеялась она. – Это хорошо!

Имея некоторый жизненный опыт, я в этом так уверен не был, но спорить не стал. Пока она не ушла, я взял ее за запястье, проверить пульс. Почему-то это немудреное действие так испугало буфетчика, что он начал усиленно креститься, а потом спрятался за стойкой.

С пульсом у Марьи Николаевны все оказалось хорошо, даже лучше чем я надеялся. Отпустив ее руку, я пожаловался:

– Не знаю, что здесь наболтал про меня возчик, но теперь все от меня шарахаются, как черт от ладана! Ладно бы, еще дворовые, когда я сюда вошел, отсюда сбежали все ваши родственники.

– Я слышала, – улыбнулась княжна, – что вас считают колдуном. А что мужик рассказал, мы сейчас узнаем. Филимон, – окликнула она буфетчика.

Сначала никакой реакции на призыв не последовало, но после третьего обращения тот, наконец, вылез из-за стойки. Вид у него был хуже некуда, лицо потное, глаза блуждающие и ко всему трясущиеся бульонные щеки.

– Чего изволите, ваше сиятельство? – севшим до хрипоты голосом спросил он.

– Подойди сюда, – строгим голосом приказала княжна.

Буфетчик, еле передвигая ноги, приблизился.

– Боишься барина? – спросила девушка.

– Ох, как боюсь, ваше сиятельство, все поджилки трясутся.

– Ведь тебе было сказано, что я не колдун, – вмешался я. – Чего же ты опять испугался?

– Как же, вы барышню хотели на тот свет утащить, – еле выговорил он, – я собственными глазами видел!

– Я на тот свет? С чего ты взял?

– А зачем тогда их за руку брали? – рискнул спросить он, укоризненно качая головой.

– Успокойся, это у меня лечение такое, за руки людей брать. Я не колдун, а лекарь.

– Это как вам будет угодно, – сказал буфетчик, отирая рукавом пот с лица. – Наше дело маленькое.

– Филимонушка, ты этого барина не бойся, он хороший, ты лучше расскажи, что о нем в людской говорят, – ласкова попросила Маша.

– Так что ж рассказывать, барышня, известно, язык без костей, мало ли чего наболтают. Я и слышать ничего не слышал, и ведать не ведаю. Мое дело маленькое...

– А вот ты и расскажи, чего не слышал, а мы послушаем.

– А как они обидятся, да меня в жабу заколдуют? – жалостливо спросил Филимон.

– Не заколдую, – пообещал я, – расскажешь все что знаешь, награжу!

– Так чего я знаю, ничего и не знаю! Вот ихний человек, – кивнул он на меня, – сказывал, что их светлость лошадь его так заколдовал, что она шага не могла ступить, сразу падала. А потом и оглоблю одним взглядом поломал. Оглобля-то, говорит, совсем новешенькая была.

– Ну, я ему мерзавцу поломаю оглоблю о бока, – пообещал я.

– И что он еще рассказывал? – ласково спросила Маша.

Филимон уже немного успокоился, перестал потеть, да говорил складнее, чем раньше.

– Сказывал, что они его заколдовали, заставили новые сани прямо на дороге бросить и за собой сюда ехать! И еще говорит, их милость может любого человека в кого хочет превратить, хоть в собаку, хоть в жабу.

– Ну-ка, найди его и приведи сюда, – попросил я буфетчика, давая ему медный пятак.

Не знаю, чему он больше обрадовался, чаевым или возможности уйти, рванул он из буфетной, несмотря на избыточную фактуру, как заправский спринтер.

Мы остались с Машей вдвоем. В дверь периодически заглядывали домочадцы, но войти в комнату желающих не нашлось. Княжна задумчиво смотрела в сторону осиротевшего без Филимона буфета, казалась немного смущенной, и разговор у нас не клеился.

– Как ты сегодня погуляла? – спросил я, когда молчать стало неудобно.

– Хорошо, я люблю первый снег, все кругом такое чистое, прибранное, – ответила она, потом подняла на меня большие трогательные глаза и спросила. – А ты, правда, заколдовал лошадь?

– Лошадь? – повторил за ней я. – Заколдовал лошадь?!

Чего-чего, но такого вопроса я никак не ожидал, не выдержал и так захохотал, что она испуганно отпрянула от меня. Потом, правда, сам улыбнулась и добавила так, чтобы ее слова можно было принять за шутку:

– Вдруг ты и, правда, колдун!

– Это мы ночью проверим, – пообещал я, с трудом унимая смех, – когда ты заснешь. Не боишься, что я тебя усыплю и поцелую?

– Очень надо, я вообще ничего не боюсь! А я сегодня ночью на тебя смотрела, когда ты спал. Ты совсем не страшный!

– А вот подглядывать нехорошо. Ты когда к себе ушла?

– Рано, еще в доме все спали.

– Тебя никто не видел?

– Нет.

– Тогда зачем сказала Марье Ивановне, что приходила ко мне?

– Как же можно маменьку обманывать? – подняла она удивленно брови. – Родителей обманывать грех.

– Правда? – удивился я. – А как же сон о юнкере, о нем ты тоже рассказала?

– Нет, конечно, зачем я буду сны пересказывать? Это же было не наяву, а как бы понарошку. Вот если бы я тогда проснулась, то непременно сказала.

Логика у нее была железная, и что меня тронуло, чисто женская.

– А если я тебе приснюсь, тоже не расскажешь? – на всякий случай спросил я.

– Конечно, не расскажу, зачем же зря маменьку волновать, вдруг она невесть что подумает, – спокойно объяснила она. – Кабы она сам вдруг увидела, то тогда иное дело.

На этой минорной ноте наш разговор прервался. В буфетную подталкиваемый сзади Филимоном, вошел мой возчик. Был он, как мне показалось, слегка пьян и вполне доволен жизнью. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Мужик оказался в центре общего внимания, мог сколько угодно хвастаться и врать, да еще и принимал за это угощение.

При виде нас с княжной он немного смешался, но быстро оправился, независимо подошел и без особого почтения поклонился.

– Доброго вам здоровья, барин и барышня, – сказал он и вопросительно смотрел, недоумевая, зачем его позвали.

– А скажи-ка, друг мой ситный, – строго спросил я, – ты, что это за сказки обо мне дворне рассказываешь?

– Я сказки сказываю? – удивился он. – Никому ничего я не сказываю, а если добрые люди спросят то, что ж не ответить, не зря же нам Господь язык даровал.

Честно говоря, другого ответа я от него не ожидал и сразу задал более конкретный вопрос:

– Тогда расскажи, как я заколдовал твою лошадь? – попросил я.

– А я почему знаю? – еще больше удивился он. – Мне о твоём, барин, колдовстве ничего не известно.

– Не известно? – переспросил я, заглянул ему в глаза и с неотвратимой реальностью, понял, что в любом случае в этом споре проиграю.

Нет на земле силы, которая заставит этого человека говорить не свою собственную правду, замешенную черте на чем, дурости, фантазиях, непонятных мне суевериях. Ни малейшей тени вины или сомнения в собственной правоте в его слегка ослотивших глазах, я не заметил.

– Неизвестно, – неспешно, подтвердил он. – Я, барин, человек православный и на все праздники в церковь хожу. Можешь, у кого хочешь спросить. На Покров даже как полагается, причащался. А если кто на меня напраслину возводит, то Бог ему судья, его на том свете черти заставят сковородки лизать.

– Понятно, значит, я твою лошадь не заколдовал?

– Как же не заколдовал, когда заколдовал, она что сама по себе на ровном месте падала? – удивился он.

– А может быть она падала оттого, что ты ее вовремя не перековал? – начиная терять терпение, поинтересовался я.

Такая мысль ему в голову не приходила, и пришлось включить мозги, чтобы в ней разобраться, однако Гордей Никитич легко справился с задачей и с непробиваемой прямоотой объяснил:

– Так раньше же не падала, ну может когда, и спотыкалась, а то чтобы падать никогда! – твердо сказал он. – Мы тоже, не первый год живем, и в своем полном праве! Ты у нас на селе кого хочешь, спроси, хоть у немца управителя, хоть самого попа, кто из всех мужиков наипервейший хозяин, тебя всякий на меня покажет.

– Ладно, – прекратил я бессмысленный спор, – и что ты дальше собираешься делать?

– Этого мне знать, не дано, как я тоже заколдованный. Моя бы воля, давно к бабе на печке под бок лег, да вот никак не могу. Придется здесь горе хлебать и на чужбине мыкаться, – спокойно объяснил он. – Против твоей воли у меня нет силы.

– Значит опять виновато мое колдовство? – поинтересовался я.

– Этого нам не ведомо чье, твое или еще кого, напраслину наводить не буду, а вот только чую, не попасть мне теперь домой, видно такая судьба по чужим людям горе терпеть.

Княжна Марья смотрела на нас в оба глаза, уже не зная кому и чему верить, а буфетчик Филимон вновь покрылся холодным потом, вытаращил глаза и заиндевел от ужаса.

– Ну, этой беде я помогу, – сказал я. – Колдовать я, может быть, и не очень умею, а вот переколдовываю лучше всех. Сейчас я с тебя колдовство сниму, и ты вместе с князем Николаем Николаевичем, поедешь с французами воевать. Забреют тебе лоб, дадут ружье, и вперед, с песнями!

Мужик, внимательно меня выслушал и надолго задумался. Похоже, перспектива стать солдатом его не испугала. Мы вдвоем ждали в разной степени заинтересованности, что он теперь скажет. Рассудив ситуацию, он принял единственно правильное решение.

– Это, барин, никак не возможно. Я бы с нашим большим удовольствием, но никак не смогу. Я ведь не сам по себе, а государевый крестьянин, к тому ж семейный. Мне такое совершать никак не позволительно. Рад бы в рай, да грехи не пускают!

Одержав маленькую дискуссионную победу, он потерял к разговору интерес и, не скрывая нетерпения, ждал, когда мы его отпустим.

Мне ничего не осталось, как воспользоваться своими мистическими способностями.

– Ничего, я тебе особую бумагу выправлю, что ты был заколдован и против своей воли пошел на войну. А теперь иди, собирайся в дорогу, в ночь и пойдешь воевать.

Только теперь до моего приятеля начало что-то доходить. Он тревожно посмотрел сначала на меня, потом на княжну, с явной надеждой на ее заступничество, и опять попытался отговориться:

– Ты, барин, может, того, шутишь? А если меня француз убьет?

– Тогда тебя похоронят с воинскими почестями. Знаешь что это такое?

– Откуда нам знать, мы люди темные, мы только по крестьянству понимаем, – сразу дав задний ход, начал он приbedняться. – Вот ежели чего вспахать или заборонить, то мы всегда, пожалуйста, а про то, что ты говоришь нам совсем неведомо. Какие еще такие почести...

– Почести это значит, когда ты падешь на поле брани, то тебя засунут в пушку и выстрелят, чтобы сразу на небо попал. Так что ничего не бойся, я тебя заботой не оставляю. А жене твоей нового мужа приищу и рубль дам на обзаведение. И смотри, если ослушаешься и бежишь, то я тебя в козла превращу!

Возчик совсем сник и начал пятиться к выходу. Когда он так дошел до дверей, я погрозил ему пальцем. Он понимающе кивнул и исчез.

Марья Николаевна в нашем разговоре многого не поняла, но чувствовала, что здесь что-то не так, и не удержалась от вопроса:

– А ты его, правда, в козла можешь превратить?

– Могу, – обреченно ответил я, – я много чего могу с ним сделать, только боюсь, не успею. Я думаю, что его через пять минут здесь уже не будет.

– Ва-ваше сиятельство, превосходительство, – подал дрожащий голос Филимон, – может, еще чего откусать изволите? Прикажете не казнить, а миловать!

Думаю, в том, что буфетчик так испугался, нет ничего удивительного. Если в наше время находится много образованных людей верящих в подобный бред, то неграмотному, темному мужику верить в колдунов, сам Бог велел.

– Спасибо, Филимон, – ответил я. – Все было очень вкусно. И ничего не бойся, тебя никакое колдовство не возьмет!

Глава 5

После завтрака мы с княжной отправились в парк на прогулку. Парк в имении был регулярный, четко геометрически распланированный, с широкими аллеями. Их уже успели расчистить от вчерашнего снега. Я взял княжну Марью под руку, и мы не спеша, шли вглубь по главной аллее.

Нас с Марьей Николаевной так мало связывало, что говорить, собственно, было не о чем. Пришлось поднять тему, которую с радостью поддержит любая настоящая женщина. Я завел речь о женской красоте, и мы пустились в детальное обсуждение всех действительных и мнимых достоинств очаровательной собеседницы. За увлекательно беседой, мы пошли чуть быстрее, чем следовало, и Маша тотчас взялась рукой за сердце. Пришлось вернуться в дом. Я отвел барышню в ее покои.

Жила княжна вместе со своими камеристками в трех комнатах. Мне было любопытно взглянуть на тихую девичью обитель. Ее гостиная оказалась дорого и вычурно, на мой вкус, декорирована мебелью стиля какого-то Людовика. Я передал барышню с рук на руки какой-то заспанной, нечесаной девушке и попросил уложить ее в постель.

– Останьтесь, Алексей Григорьевич, – попросила Маша, – я немного полежу и встану.

– Сначала, княжна, отдохните, я вас полечу, а там видно будет, – сказал я ей вслед.

Камеристка сняла с Маши верхнее платье и отвела во внутренние покои, я остался один и осмотрелся. Все в гостиной было красиво и продумано, но комната своей роскошью, слегка напоминала музей.

– Барышня, просят вас, сударь, пройтись к ним, – выйдя из спальни, сказала камеристка, стреляя в меня любопытными глазами. Я не очень этому удивился, не каждый день так запросто встретишь колдуна и прошел мимо нее в спальню.

Маша ждала меня в постели. Она сделала все, как я просил, разделась и легла.

– Э! – сказал я, когда увидел ее на широченной кровати с шатровым балдахином, лежащей на белоснежных простынях голландского сукна. – Э! – добавил я, обратив внимание, что на ней совсем не осталось одежды. – Э, ты вообще-то зря разделась догола.

Маша удивленно на меня посмотрела и объяснила:

– Но ведь ночью ты сам велел мне все с себя снять!

– Да? Ты меня тогда не совсем правильно поняла, но, это неважно, – сказал я, сам не зная, что делать. С одной стороны было жалко лишаться такого прелестного зрелища, с другой, нас могли застукать и не только за лечением. – Ночью это одно, – наконец объяснил я, отирая платком вспотевшие ладони, – а днем..., вдруг сюда кто-нибудь войдет?

– Ну и что, ты же доктор, а маменька говорит, докторов не нужно стыдиться, – спокойно объяснила девушку. – К нам в Москве ходили другой доктор, старичок Карл Иванович, я перед ним тоже раздевалась...

– Конечно, если только старичок. Жаль что я не тот Карл Иванович, – задумчиво, говорил я, чувствуя, то, что положено чувствовать в такой ситуации молодому, здоровому мужчине не слишком обремененному пуританской моралью и клятвой Гиппократы. – Нет, ты все-таки надень что-нибудь, какую-нибудь рубашку, – пересилив соблазн, попросил я. – Днем лечиться можно и в одежде. Это по ночам, когда не хватает света, лучше без ничего. Так что... Как зовут твою девушку?

– Дашей.

– Даша! – позвал я.

Камеристка тотчас вошла, она явно подслушивала за дверями.

– Помоги барышне надеть ночную рубашку, – попросил я.

Она понимающе кивнула, и девчонки начали оживленно обсуждать, какая рубашка в данной ситуации подойдет лучше других. Ну, а я, пользуясь своей бесконтрольностью, исподволь рассматривал юную княжну.

Не хочется повторять вечные истины, но из всего прекрасного, что создала природа, как ни крути, венцом творения является человек. Во всяком случае, с нашей человеческой точки зрения. А самые изумительные человеки, это? Совершенно правильно и, думаю, с этим согласится большая часть представителей нашего вида, причем, что очень важно, обоего пола, это?! Да, именно, это женщины. Правда, дальше эстетические пристрастия у полов начинают расходиться, причем принципиально. Женщины считают, что они красивы тогда, когда хорошо одеты, а мужчины – когда раздеты. Но это уже, как говорится, мелкие частности.

Чем дольше у девушек продолжался спор о выборе ночной рубашки, тем больше я получал удовольствия от созерцания прелестной юной княжны. Она было белокожа, с умопомрачительными женственными изгибами и теперь, в полемическом задоре, забыв о стороннем наблюдателе, была очень грациозна.

Однако все хорошее когда-нибудь кончается. Девушки, в конце концов, пришли к консенсусу, и Даша помогла барышне скрыть от моего пытливого взора ее округлые, нежные сокровища. Впрочем, это случилось как раз вовремя. Продлись их спор еще четверть часа, не уверен, что я смог бы оказать Маше какую-нибудь медицинскую помощь. Думаю, что тогда такая помощь потребовалась уже мне.

– Лежи спокойно и постарайся, расслабиться, – попросил я княжну, когда она, наконец, оказалась в рубашке. Я отослал Дашу, сел рядом с больной на широченную постель, и простер над ее грудью ладони с растопыренными пальцами.

В чем заключается секрет моего экстрасенсорного лечения, я не знаю, но когда у человека что-то не в порядке, это чувствую, что называется на уровне подсознания. Интересующиеся могут спросить об этом же других экстрасенсов, думаю, механизм восприятия чужой боли у нас всех примерно одинаков.

Притом, что у меня весьма условная медицинская подготовка, два курса мединститута и служба санинструктором в армии, и о человеческом организме я знаю именно в этом и не большем объеме, тем не менее, вполне успешно справлялся со многими болезнями. Не знаю, была ли у меня эта способность в прошлой, обычной, жизни. Может быть, и была, только никак не обозначалась и не развивалась. Только перейдя грань времени, оказавшись в экстремальной ситуации, я понял, что могу успешно лечить людей.

Многие считают экстрасенсов обычными шарлатанами. Спорить не буду, но как довод в защиту, могу привести общеизвестные способности многих людей чувствовать спиной дурной взгляд, предощущать приближающуюся опасность или вспоминать о близком человеке, когда ему плохо и требуется помощь. Мы еще так мало о себе знаем, что что-то утверждать или отвергать априори, обычно признак банальной самоуверенной глупости.

Спустя несколько минут после начала процедуры, княжну начала бить дрожь.

Я же чувствовал себя значительно лучше, чем во время первого, ночного сеанса. Кажется, еще тогда мне удалось преодолеть кризисный барьер, и теперь я чувствовал, что лечение идет вполне успешно. Примерно то же должна была ощущать и больная, но Марья лежала с плотно закрытыми глазами и вся дрожала.

– Тебе, плохо? – спросил я, притрагиваясь ладонью к ее груди. Под тонким батистом рубашки уже рельефно обозначились набухшие соски.

Увы, мы с княжной пребывали примерно в одинаково взвешенном состоянии. Разница была только в одном, я точно знал, чего хочу, она чувствовала это скорее интуитивно. Все-таки другая эпоха, разная информированность, едины были только наши «низменные» человеческие устремления...

Короче говоря, нас с ней как бы заклинило. Я не могу заставить себя убрать руку с нежной девичьей груди.

Маша лежала под этой самой рукой с зажмуренными глазами и мелко дрожала. К закрытой двери, само собой, прильнула заинтересованная тем, что у нас здесь происходит, камеристка Даша.

Выручил меня торопливый стук в дверь. Я сразу очнулся от вожделения, взял себя в руки и встал в классическую позу доктора, скрестив на груди руки. И сделал это вовремя. В спальню вошли встревоженные родители.

– Марусенька, дочка, что с тобой, мне сказали тебе опять плохо?! – испугано спросил Николай Николаевич, тревожно глядя на вытянувшуюся на кровати дочь.

– Нет, папенька, благодарю вас, мне очень помог Алексей Григорьевич, и теперь стало много лучше, – вполне обыденным голосом успокоила отца княжна.

– А мы, как только услышали, что тебе привели с прогулки, сразу сюда, – вступила в разговор княгиня. – Тебе, донюшка, правда, лучше?

– Правда, маменька, я только немного устала, вы зря так волнуетесь. Алексей Григорьевич мне поможет.

– Надеюсь, – с облегчением промолвила Марья Ивановна, – он теперь будет спать с тобой рядышком, если что нехорошее почувствуешь, сразу посылай за ним Дашку, а сама, смотри, сама не вставай!

На счет «спать рядышком» у княгини получилось как-то двусмысленно. Но возможно, это показалось только мне.

– Спасибо тебе, голубчик, – растроганно сказал князь, убедившись, что с дочерью все в порядке. – Ты уж помоги нам, дети у нас с женой самое дорогое, если конечно не считать государя и отечества, – к чему-то добавил он. – Всех остальных Господь забрал, остались нам на радость только двое, Ванюша и Машенька.

– Конечно, помогу, по мере своих скромных сил, – ответил я, отирая со лба испарину.

– Да, чуть не забыл тебе сказать, мой управляющий спрашивает, что делать с твоей лошадкой и козлом? – спросил меня Николай Николаевич.

– С кем? – удивился я. – У меня нет никакой лошади, а уж козла тем более, он, наверное, что-то перепутал, – ответил я.

– Да? Может быть, и перепутал, народ у нас удивительно бестолковый. Хотя за Фабианом Вильгельмовичем такого, раньше не водилось. Ты, голубчик, как освободишься, спроси у него сам. Он что-то приходил ко мне сильно встревоженный.

– Встревоженный? – переспросил я, почему-то сам, начиная испытывать непонятное беспокойство. – А откуда взялись те животные, лошадь с козлом, он не сказал?

– Говорил что-то, да я, признаться, не расслышал. После стрельбы на поле брани, стал туговат на ухо. Ты уж не сочти за труд, сам его обо все расспроси. Он тебя в больших сенях дожидается.

Встревожился не только неведомый мне Фабиан, но я. После моей опрометчивой угрозы возчику, которое слышали Филимон и княжна Марья, единственное, чего мне не хватало для полноты жизни, это крестьянина превращенного в козла!

– Надеюсь, Марья Ивановна и Николай Николаевич, вы ободрите княжну Марью, а я пойду, узнаю, что здесь еще за новый козел появился, – сказал я. – Больная пусть пока лежит, я навещу ее, как только освобожусь.

Оставив княжеское семейство, наслаждаться родственными отношениями, я бросился вниз в вестибюль. Кажется, хохма с козлом уже создала мне определенную репутацию. Дворовые люди, как тараканы по щелям разбежались при моем приближении. Это мне напомнило виденную мной в Зимнем дворце реакцию дворцовых слуг на внезапные появления Павла I.

В роскошно отделанном вестибюле, который князь Урусов из патриотизма назвал «большими сенями», в глубоком кресле сидел худощавый человек средних лет с узкой и длинной лысиной, перечерчивающей пополам его большой не по фигуре череп. Лысины у мужчин в эту эпоху были большой редкостью, как и очки, косо сидящие у него на кончике носа.

– Вы, Фабиан Вильгельмович, управляющий? – спросил я, останавливаясь перед ним. – Князь сказал, что вы хотите со мной переговорить.

Управляющий встал и почтительно поклонился. Мне он понравился серьезным выражением лица и прямым, твердым взглядом. В нем сразу был виден деловой, честный немец. Мы с разной степени интереса рассматривали друг друга и кончили тем, что оба улыбнулись.

– О да, я действительно имею большое желание говорить с вами, господин Крылофф, – сказал он, хорошо выговаривая слова, но не совсем правильно по-русски строя фразу, что сразу выдавало в нем иностранца. – Извольте присесть? – указал он на стоящее рядом кресло.

– Изволю, – вздохнул я. – Что там еще за лошадь с козлом, о которых мне сказал Николай Николаевич?

– О, вы уже изволите знать это обстоятельство? Я хотел вас просить распорядится вашим имуществом.

– Это не мое имущество, лошадь принадлежит моему возчику, я его подрядил отвезти меня в Калугу, а о козле я вообще ничего не знаю, откуда он взялся? – объяснил я немцу.

Фабиан Вильгельмович слушая, понимающе кивал головой, и когда я замолчал, объяснил:

– Господин Крылофф, я весьма почитаю, его светлость князя и знаю, как он вас уважает, потому простите за то неудовольствие, которое я вам имею причинить. Уверяю вас, я не верю ни в какие суеверия, но прошу вас понимать меня правильно. Вы говорите тому мужику, что если она от вас убежит, ты вы сделаешь ее козлом, – управляющий так разволновался, что перепутал родовые окончания. – Мужик убегает, бросая, как вы сказали, свой лошадь. Я этому имею честь верить. Однако откуда вдруг взялся незнакомый козел? Вы имеете мне это объяснить?

– Я не имею этого вам объяснить! Тьфу, ты черт, просите, запутался. Я не могу вам этого объяснить, уважаемый Фабиан Вильгельмович! Поверьте мне на слово, я никакой не колдун и ничего не знаю ни о каком козле. Это все какое-то недоразумение!

Управляющий выслушал мою сбивчивую тираду, отвел взгляд и вновь спросил:

– Значит, вы не обещали превратить мужика в козел? Это придумал Филимон?

– Обещал, но в шутку! Я не умею превращать людей в животных, и никто на свете не умеет! Вы же разумный человек и сами сказали, что не верите в суеверия!

– Я правильно понимаю, это не вы превратили мужика в козел-а? – кажется, наконец, понял немец.

– Конечно, не превращал! – обрадовался я. – Да и когда бы я это сделал, мы все это время были с княжной Марьей, а того мужика я и в глаза не видел!

Управляющий внимательно меня выслушал и совершенно серьезно спросил:

– Тогда вы знаете и можете сказать, кто это сделал?

В этот момент, я впервые в жизни пожалел наших политиков и дипломатов, работающих с европейскими и американскими коллегами. От такой непробиваемой, добросовестной тупости, можно запросто рехнуться. Говорят, что после общения с прокурором Гаагского трибунала с красивым именем Карла дель Понте, один из подследственных наложил на себя руки, а экс президент Югославии Милошевич умер от инфаркта, и еще несколько бывших сербских руководителей прячутся от нее в горах. Думаю, те, кто видел умное, интеллигентное лицо прокурора дель Понте, вполне их поймут.

Впрочем, я вовсе не хочу сказать, что все европейцы тупые, а мы наоборот острые. Просто у нашей загадочной славянской души нет разгадки, в то время как у их есть, и довольно простая.

– Ладно, – сказал я управляющему, – с вами дорогой *Herr*, все ясно. Пойдемте, я буду иметь смотреть ваш козел!

Немец понял, что я его передразниваю, но не показал, что это его задело, встал с кресла и сделал приглашающий жест к выходу.

После чего мы с ним как два шерочки, почти что под ручку, отправились на скотный двор, знакомиться с козлом.

Скорее всего, весть о чудесном превращении облетела все поместье, посмотреть на «историческую» встречу сбежались все от мала до велика. Правда, под ногами никто не путался, дворовые выказывали боязливое почтение к «колдуну». Я старался держаться независимо, но мне это не очень удавалось. Быть в центре враждебного внимания оказалось довольно неприятно. Немец же шел, не обращая внимания на нездоровый ажиотаж, даже по пути отдавал какие-то хозяйственные распоряжения.

– Колдун! Колдун! – восторженно кричали непосредственные мальчишки. Взрослые так не рисковали, тем более что я жил в барских покоях, и был княжеским гостем, они двигались молча, параллельно с нашим курсом. Когда мы с Фабианом Вильгельмовичем, наконец, дошли до скотного двора, вокруг нас собралась целая толпа.

Вся скотина по зимнему времени была в хлевах, на дворе находился только тот самый козел, который стал причиной переполоха. Животина стояла как раз против ворот, задумчиво опустив голову, и жевала жвачку. С козлами, во всяком случае, четвероногими, я встречался редко, ничего в них не понимал, и мне показалось, что этот был самым обыкновенным представителем своей породы. Мы с управляющим остановились как раз напротив него, а толпа сгрудилась сзади нас.

Пресловутому полороговому парнокопытному, такой интерес к своей *особе* не понравился, он поднял морду и заблеял. Тотчас наступила общая тревожная тишина. Собравшиеся зрители трепетно внимали блеянию, а когда козел, сказав все что хотел, замолчал, с интересом уставились на меня, видимо, ожидая, что я ему отвечу. Понятно, что ответить мне козлу оказалось нечего. Тогда в действие вмешался Фабиан Вильгельмович и представил мне животное:

– Это есть тот козел, который раньше был мужик.

– Очень приятно, – вежливо ответил я, разглядывая козла.

Вообще-то, если говорить честно, он и, правда, чем-то походил на моего возницу. Такая же глупая самодовольная морда, куцая бороденка и упорный, самоуверенный взгляд. Однако внешняя похожесть еще ни о чем не говорила, мало ли кто на кого похож! Очень часто и собак бывает трудно внешне отличить от хозяев, не считать же что они их заколдованные родственники!

Козел, между тем, то ли почувствовал во мне родственную душу, то ли по какой иной, никому неведомой причине, выделил меня из общей массы людей, подошел к воротам загона и, не сводя взгляда, вытянул вперед бородатую морду и призывно заблеял.

Толпа разом откликнулась тревожным гулом, а стоящие на безопасном расстоянии мальчишки начали свистеть, кто-то даже закричал:

– Ишь, ты, бешка просит барина, чтоб он его расколдовал!

Я уже последними словами ругал себя за то, что вообще согласился обсуждать эту тему, тем более зачем-то пошел на скотный двор. Нужно было выкручиваться, но как это сделать, пока не знал. Люди явно ждали чуда, но на чудеса я никак не тянул. Пришлось пойти на потерю популярности.

– Нет, это никак не мой мужик, – сказал я управляющему, – я этого козла вижу первый раз в жизни. Может быть, он прибежал из села?

– Это никак не возможно быть, – твердо сказал Фабиан Вильгельмович, – у каждого козел есть свой хозяин, у этого козел, никакой хозяина нет!

– Хорошо, пусть он пока живет здесь, мы с ним потом разберемся, – попытался я если не разрубить Гордиев узел, то снять напряженность момента.

Однако управляющий не пошел на сотрудничество или хотя бы на компромисс, он продолжил тупо настаивать:

– А что, господин Крылофф, потом прикажете делать с этим человек-козел?

Вместо ответа мне очень захотелось врезать пару раз этому упертому херру-управляющему по морде. Такие замечательные немецкие качества как аккуратность, обязательность и. педантичность мне всегда были симпатичнее нашего русского разгильдяйства, но все же есть придел! Пожалуй, в тот момент у меня осталась последняя возможность разрулить ситуацию, это заморочить головы присутствующим.

– Я вам сказал, оставьте козла здесь, вы, что царским указам не подчиняетесь? – строго и веско проговорил я. – Слышали государев указ от седьмого восьмого ноль шестого? Бунтовать, никому не позволено!

Думаю, в том, что я сказал, никто, включая управляющего, ничего кроме упоминания государя и обвинения в бунте, не понял. Однако и этого оказалось достаточно, что бы гул недовольства разом смолк. Я повернулся к зрителям. На меня смотрело множество глаз, смотрело угрюмо, и как мне показалось, с угрозой. Разбираться в психологии толпы времени не было. Я был странно для этого времени одет, да еще уличен в колдовстве, чем ни повод для праведной расправы. Мне почему-то стало очень страшно, и рука невольно потянулась к рукоятке сабли.

И вдруг все как-то переменялось. Лица дворовых и местных крестьян, хмурые и сосредоточенные, стали испуганными. Уже позже я осознал, как странно наблюдать такую быструю смену настроения одновременно у многих людей. Сначала мелькнула мысль, что крестьян испугал мой угрожающий жест, но его могли видеть только те, кто стоял совсем близко, а испугались почему-то все. Да и у меня от непонятного страха онемели руки, похолодело в животе и сердце, как говорится, ушло в пятки. Все кто здесь был, словно застыли на своих местах.

Разрядил обстановку «заколдованный возница». Козел вдруг, жалобно заблеял и бросился бежать от ворот загона, смешно задирая задние ноги. Словно очнувшись от наваждения, люди начали поспешно расходиться. Уже спустя полминуты на месте остались только мы с управляющим и человек в черном плаще, стоявший шагах в двадцати от нас. Выглядел он довольно странно, если не сказать опереточно: длиннополый плащ и шляпа с широкими полями закрывавшая верхнюю часть лица. Я посмотрел на управляющего. Тот был совершенно бледным, и у него тряслись губы. Впрочем, и у меня состояние было не многим лучше, колотило так, будто в меня собирались выстрелить.

– Здравствуйтесь, ваше сиятельство! – с трудом справляясь с губами и словами, сказал незнакомцу Фабиан Вильгельмович и только тогда я узнал своего ночного гостя.

Молодой Урусов вежливо нам поклонился и страх, сжимавший мне грудь, как-то сам собой прошел. Теперь я рассмотрел, что у князя совершенно неестественно бледное, какое-то мучное лицо, особенно в контрасте с черной одеждой.

Он не спеша, приблизился к нам. Ночью он показался мне много моложе. Теперь было видно, что ему где-то под тридцать и природа обделил его не только растительностью на голове, но и красотой. У Ивана Николаевича было узкое, какое-то рыбье лицо и небольшие, почти без ресниц светлые, почти белесые глаза. При нездоровой бледности он казался болезненно изможденным, хотя фигура была вполне крепкая, пропорциональная и не астеническая.

– Что у вас здесь случилось, почему собралось столько народа? – спросил он.

Спрашивал он не кого-то конкретно, потому ответить поспешил управляющий, и было заметно, что он порядком боится молодого князя.

– Ваше сиятельство, мы с господином Крылоффым пришли смотреть козла.

– Козла? Какого еще козла? – поднял безбровые дуги князь. – Того козла? – понял он, посмотрев на бедное животное, с отчаянным блеянием, нарезавшее круги по дальней от нас часть загона.

– *Ja, meinFurst*– начал было говорить по-немецки Фабиан Вильгельмович, но тотчас поправился и перешел на русский язык, – да, ваше сиятельство. Мне доложили, что господин Крылофф превратил своего крестьянина в козел.

– Вы превратили мужика в козла? – обратился ко мне Урусов и неожиданно засмеялся неприятным, каким-то давящимся смехом. – Кто придумал такой вздор?

– Их сиятельство Николай Николаевич, приказали мне разобраться, – ответил управляющий. – Я привел сюда господина Крылоффа, показать это козел.

– Папа? – на французский манер, с ударением на последний слог, спросил князь, и я по небрежной интонации понял, что к отцу Иван Николаевич относился без должного сыновнего почтения. – Почему ему такое взбрело в голову?

Пришлось вмешаться в разговор мне и рассказать о своей неудачной шутке и появление в имение козла, действительно чем-то похожего на моего возницу. Князь опять рассмеялся.

– И вы, Фабиан Вильгельмович, поверили такой глупости? – повернулся он к немцу.

Я не могу объяснить почему, но когда он спрашивал управляющего, у меня появилось внутреннее чувство, что, может быть, все это не так уж глупо и безобидно.

С превращением одного субъекта в другого я уже сталкивался на собственном опыте. Правда, тогда превращали не кого-нибудь, а меня самого, и что такое возможно, я знал не понаслышке.

Управляющий, нимало не смутился насмешливым вопросом, и объяснил, что здесь, в России все бывает. Молодой князь опять засмеялся и, снисходительно кивнув немцу, пригласил меня пройтись по парку. Отказываться у меня не было никакого основания, и мы пошли тем же путем, что недавно с его сестрой. Какое-то время шли молча. Иван Николаевич меня раздражал, к тому же я не мог понять причину своего недавнего безотчетного страха, думал об этом, и не рвался начинать разговор.

Князь шел медленно и в своем черном плаще и широкополой шляпе казался большим вороном. Мы дошли до поворота аллеи и свернули вглубь парка. Только теперь молодой Урусов заговорил:

– Вам нравится здесь? – не глядя на меня, спросил он.

Я решил, что он имеет в виду зимний парк и соответственно, ответил:

– Да, у вас здесь очень красиво.

– Я спрашиваю, как вам нравится в имении и, вообще, наше семейство, – уточнил он.

Я ответил так, как обычно отвечают на подобные вопросы.

– Мои родители говорили, что вы летом спасли *tataп* жизнь? – не слушая ответа, задал он новый вопрос.

– Я ничего об этом не могу сказать, после контузии я потерял память и ничего не помню из своего ближайшего прошлого.

– Забавно, – почему-то насмешливо сказал он, – так-таки и ничего? Никого из тех с кем встречались?

– Именно, – буркнул я, начиная тяготиться странным разговором.

– А мою сестру вы помните? – продолжил он тем же тоном.

– Конечно, я с ней познакомился тогда же когда и с вами, а вас я хорошо помню! – не ведаясь на его ироническую интонацию, сухо, ответил я.

– И она вам, конечно, понравилась, – не то спросил, не то констатировал он.

– Да, именно, весьма понравилась. Ваша сестра очень приятная барышня!

– Если бы знали ее короче, у вас было бы о Марии совсем другое мнение, – сварливо проговорил он. – Она только выглядит ангелом, а на самом деле... Вы знаете, почему она до сих пор не замужем?

– Нет, не знаю, – резко ответил я, – да и знать не хочу, это не мое дело!

– О, у *Mari*, кажется, появился защитник! – засмеялся он. – Однако я как честный человек должен вас предупредить, что у моей сестры плохая репутация.

– Князь, мне неприятен этот разговор, – прямо сказал я. – Найдите другую тему для разговора. Мне не интересно слушать, как вы порочите своих родственников!

– Даже так? – как мне показалось, с угрозой сказал он. – Запомните, господин Крылов, я не тот человек, для которого имеет значение кровное родство. Если моя сестра блудница, я так и говорю, что она блудница, какой бы горькой не была эта правда!

Мне очень захотелось дать ему по морде, но это непременно привело бы к дуэли, а убить хозяйского сына, для гостя, было бы не совсем этично.

– Мне нужно вернуться в дом, – сказал я и резко повернул назад.

– Она грешит со всяким, кто попадется ей на пути, даже со слугами! – продолжил он, следуя за мной и все больше воодушевляясь. – Не удивлюсь, если она и вас пыталась соблазнить. Я специально приходил ночью в вашу комнату, проверить там ли моя сестра!

– А мне показалось, что вы искали у меня горничную, – не выдержал я. – У вас что тоже, как и у меня, потеря памяти?

– Единственно, что меня утешает, – торопливо говорил он, – у нее грудная жаба, и она не сегодня-завтра умрет. Провидение не допустит, чтобы такое мерзкое создание оскверняло своим присутствием землю! Справедливость...

Было похоже на то, что у князя совсем заклинило мозги.

– У вас зубы не болят? – перебил я его.

– Что? – не понял он. – При чем тут мои зубы?

– А при чем здесь я? – в свою очередь спросил я. – Если вы не любите свою сестру, то я не имею к этому никакого отношения!

– Я только хотел вас предостеречь, – наконец сбился он. – Мать и отец боготворят сестру, и я бы не хотел, чтобы вы оказались в дураках!

Я не понял, какое отношение отеческая любовь к дочери и его дикая ревность к родителям имеет ко мне, но спрашивать не стал. Парень мне разонравился окончательно.

Пару минут мы шли молча, потом он заговорил снова:

– Вы знаете, что я провел много лет взаперти, общаясь только с книгами?

Я промолчал, полагая, что ему вполне удаются монологи и говорить о себе он может без моего участия.

– И я счастлив тем, что сумел познать великие истины! Когда я стану независимым, то смогу претворить в жизнь все великие открытия, которые мне удалось сделать! Скажите, господин Крылов, я могу вам задать вам сакраментальный вопрос? – неожиданно спросил он.

– Задайте, если хотите, – пожав плечами, разрешил я.

– Вы обещаете ответить мне искренно?

– Нет, не обещаю, пока не узнаю, что вы хотите узнать.

– Право, после того, что я для вас сделал, вы могли бы быть любезнее! – недовольно сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.